
ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Инструкторы Черноморской школы водолазов Виктор Безручко (слева) и Андрей Жукотанский.

Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: Момент игры на первенство СССР по хоккею с шайбой между командами «Крылья Советов» (Москва) и «Торпедо» (Горький).

Фото А. Бочинина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 48 (1589)

24 НОЯБРЯ 1957

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

15 ноября по приглашению Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева члены делегации Китайской Народной Республики во главе с Председателем Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дуном посетили Большой театр Союза ССР, где смотрели балет Чайковского «Лебединое озеро». Вместе с товарищем Мао Цзэ-дуном в театре находились Первый секретарь Центрального Комитета КПСС тов. Н. С. Хрущев и Посол СССР в Китайской Народной Республике тов. П. Ф. Юдин. На снимке: товарищи Мао Цзэ-дун и Н. С. Хрущев среди зрителей.

Фото А. Морозова.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Как никогда могучим, полным сил вступило наше социалистическое государство в пятое десятилетие своего существования. Празднуя сороковую годовщину Октября, советские люди не только подводили итоги своего труда, но и вглядывались в будущее, в новые горизонты, раскрывающиеся перед нашей Родиной на пути к коммунизму.

Сколько величественных задач предстоит решить советским людям в ближайшие годы! Нет ни одной отрасли человеческого творчества, где бы во всей своей увлекательности не обозначились огромные возможности дальнейшего роста, движения вперед. В промышленности, в сельском хозяйстве, в науке, в технике, в культуре — всюду у нас раскрыты безграничные просторы для проявления инициативы, для коллективного и единоличного почина, для полезного приложения знаний, сил и талантов каждым, кому дороги интересы Родины, народа, социализма.

Перед нами снимок, запечатлевший обычную для нынешнего времени сцену. На горьковском заводе «Двигатель революции» рабочие обсуждают Обращение к народам Советского Союза, принятое юбилейной сессией Верховного Совета СССР. Секретарь парторганизации цеха топливной аппаратуры слесарь Г. П. Галюшев читает своим товарищам по труду Обращение. И, несомненно, оно найдет отклик в сердцах, делах и подвигах труда горьковчан.

Всюду — на заводах, в лабораториях научных институтов, в колхозных бригадах, в конструкторских бюро и в мастерских художников — советские люди вступают в новое творческое соревнование, чтобы своими подвигами крепить мощь и славу Отчизны.

Фото Н. Капелюша.

«Это очень удобно!»

«Отдел проката бытовых товаров»... Эта табличка, появившаяся в магазине совсем недавно, привлекает внимание многих посетителей.

— Мне, пожалуйста, пылесос... Вон тот, на верхней полке. Беру на один день...

Валентина Васильевна Власова, продавец нового отдела, достает пылесос, ловко разбирает его, наглядно показывая, как им пользоваться, затем аккуратно пакует.

— За сутки пять рублей. Платите в кассу. Возвратите завтра до конца рабочего дня.

В отделе проката магазина № 15 на Краснофлотской улице Свердловска всегда оживленно. Здесь по доступной цене можно получить во временное пользование швейную и стиральную машины, пылесосы, холодильники, различные электроприборы, десятки других необходимых в хозяйстве вещей.

Молодая пара долго выбирает сервиз. Нужен он всего на один вечер. Завтра у жены день рождения, гостей будет много, а посуды не хватает... Супруги уходят довольные, захватив с собой отличный сервиз на двадцать персон.

Отделы проката открылись за последнее время и в некоторых других магазинах Свердловска. За десять рублей вы можете сутки пользоваться фотоаппаратом, за восемь — фотоувеличителем, за семь — швейной машиной, за четыре рубля получите прогулочную детскую коляску на день, а за два — гитару... Некоторые из товаров можно взять напрокат даже на один или несколько часов.

— Это очень удобно! — говорят свердловчане.

— Отделы проката в магазинах намечено открыть в каждом районе города,— сообщили нам в Свердловском управлении торговли.— Скоро откроются специализированные магазины проката культтоваров и спортивных принадлежностей. Громоздние вещи — холодильники, швейные и стиральные машины — будут доставляться на дом транспортом торгующих организаций.

А. ГРИГОРЬЕВ
Фото И. Тюфякова.

Приговор приведен в исполнение

Приговор этот был вынесен почти четыре десятилетия назад членами Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов азербайджанского селения Туркяны.

В первой строке приговора обозначена дата — 28 мая 1918 года. Это было очень тяжелое для Азербайджана время. Только в конце апреля был сформирован Бакинский Совет Народных Комиссаров во главе с большевиком-ленинцем Степаном Шаумяном. Но, несмотря на все невзгоды и лишения, сельские депутаты, заботясь о воспитании подрастающего поколения, решили в первую очередь просить Бакинский уездный исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов открыть в Туркянах школу на тридцать восемь учеников. Свой документ депутаты назвали приговором. Он и был приговором, смертным приговором вековой темноте и невежеству, на которые царизм обрекал азербайджанский народ. Приговор был приведен в исполнение — в Туркянах открыли школу.

Бакинский уездный исполком обратился к народному комиссару просвещения с просьбой удовлетворить ходатайство депутатов Туркян. Об этом говорит документ, подписанный 19 июня 1918 года председателем комитета Мешади Азизбековым, выдающимся деятелем революционного движения в Азербайджане, трагически погибшим в числе 26 бакинских комиссаров.

Прошли годы. Сейчас в селе Туркяны работает средняя школа. В ее просторных классах учится около семисот детей. Есть здесь хорошо оборудованные физическая и химическая лаборатории. По вечерам помещением школы завладевает молодежь Туркян — колхозники, нефтяники, служащие. Они получают тут образование без отрыва от производства. Почти все жители Туркян сейчас грамотны.

Такова история одного народного приговора.

О. ОПАРИН

СИК
БАКИНСКІЙ
УѢЗДНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТЪ
СОВѢТОВЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ
ДЕПУТАТОВЪ
Июня 1918
№ 41
гор. Баку

Народному Комиссару

Препровождая при семъ приговоръ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ Туркянъ, Уѣздный Исполнительный Комитетъ проситъ объ удовлетвореніи ходатайства Совѣта объ открытіи школы въ сел. Туркянъ на 40 учениковъ.

Предсѣдатель комитета
Секретарь
Дѣлопроизводитель

Письмо Бакинского уездного исполнительного комитета.

ВСТРЕЧА С ГЕРОЯМИ БУДУЩЕЙ КНИГИ

Митчел Уилсон.
Фото Е. Дон.

Герой любого литературного произведения становится близок читателю, когда читатель открывает в нем черты, созвучные его представлениям и идеалам.

Вероятно, поэтому Эрик Горин из романа «Жизнь во мгле» и братья Мэллори из «Брат мой, враг мой» — книг Митчела Уилсона — нашли столько друзей в нашей стране.

Несмотря на то, что жизнь и многие убеждения этих героев отличны от жизни и взглядов советских молодых людей, Горин и Мэллори несут в себе близкую нам главную страсть и убежденность автора — одержимую приверженность к своему труду, к своим исканиям.

И понятно, почему слова гостившего недавно в Москве Митчела Уилсона, обращенные к советским студентам: «Если не нести в душе влюбленность в свою профессию, одержимость ею,— незачем жить!»,— были встречены так горячо. Без дерзаний, без увлечения трудом для советских молодых людей, как и для героев Уилсона, нет жизни.

Эрик Горин и братья Мэллори стали нашими друзьями, мыслящими и негодующими. И сейчас, когда мир вступил в новую эру межзвездных разведок, ракетной техники, когда имя Советского Союза — носителя и открывателя нового — на устах у всех людей земли, нам хочется знать, что думают и говорят эти книжные, но живые друзья.

Мы спросили об этом Митчела Уилсона. И хотя писатель ответил, что теперь его герои уже ушли от него и он не вправе решать за них что-либо, мы, слушая его рассказ, могли представить себе и Горина и Мэллори.

Митчел Уилсон вспоминал одного из своих американских друзей-ученых, который встает каждое утро на рассвете, чтобы не пропустить полет спутника. Он говорил о том, какими восторженными и самокритическими замечаниями обменивались американские инженеры о полетах наших межзвездных «путешественников», и мы легко могли представить себе на их месте героев книг Митчела Уилсона.

Но если герои написанных книг уходят от автора, герои будущих идут к нему.

Митчел Уилсон за свое короткое посещение Москвы успел повидаться с советскими учеными, студентами — людьми, которые больше всего его занимают. И если как ученый он не мог не восхищаться не только глубиной познаний и представлений советских деятелей науки, но и их объективным отношением к своим американским коллегам, то как писателя его подкупали близкие ему черты наших людей — страсть дерзаний, влюбленность в труд. И у Уилсона возникло желание написать книгу о России.

Сейчас он заканчивает вторую часть романа «Брат мой, враг мой», а весной будущего года намерен приехать в Советский Союз, чтобы пробыть здесь семь месяцев.

Присутствуя при встрече писателя с советскими студентами, которые, интересуясь самыми различными сторонами жизни, засыпали Уилсона вопросами, мы понимали, что происходит одно из волнующих свиданий — свидание автора со своими будущими героями. И объединяет их гуманнейший девиз человека - созидателя: труд — это прекрасно, это главное, иначе незачем жить.

Г. ЮРОВСКАЯ

АНТОНИН НОВОТНЫЙ — ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

19 ноября торжественная сессия Национального собрания Чехословацкой Республики на основании конституции и в связи со смертью Президента республики Антонина Запотоцкого избрала новым Президентом Чехословацкой Республики Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии товарища Антонина Новотного.

С 1 по 20 ноября по приглашению Советского правительства и Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского в нашей стране гостил представитель Президента Египта военный министр Египта генерал Абдель Хаким Амер с группой генералов и офицеров армии Египта. На снимке: во время приема, устроенного 19 ноября в Кремле Правительством СССР в честь генерала Абдель Хаким Амера. Выступает Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин.

Фото А. Стужина.

СОЛНЦЕ И СПУТНИК

Член-корреспондент Академии наук СССР
Э. Р. МУСТЕЛЬ,
председатель комиссии по исследованию Солнца при Астрономическом совете АН СССР

В процессе распространения коротких радиоволн огромную роль играет Солнце. Его внешние оболочки — хромосфера и корона, которые можно видеть особенно хорошо во время полных солнечных затмений, являются мощным источником коротковолнового ультрафиолетового и рентгеновского излучений. Попадая в верхние слои земной атмосферы, они ионизуют находящиеся там атомы и молекулы, создавая ионосферные слои, которые служат своеобразным зеркалом для отражения радиоволн.

Нередко в верхних слоях атмосферы разыгрываются ионосферные бури. Все помнят, очевидно, одну из них, когда зимой прошлого года надолго была прервана радиосвязь во многих районах земного шара...

Сейчас установлено, что причиной возникновения столь интенсивного ультрафиолетового и рентгеновского излучений в хромосфере и короне является высокая температура внешних оболочек Солнца: температура верхних слоев хромосферы составляет несколько десятков тысяч градусов, а короны — около миллиона градусов.

Для всестороннего изучения ионосферы необходимо иметь надежные данные об ультрафиолетовом и рентгеновском излучениях Солнца. Задача усложняется еще и тем, что средняя интенсивность этих излучений зависит от состояния солнечной активности, которая, как известно, меняется в течение каждого одиннадцатилетнего цикла. Однако здесь мы говорим лишь об изменениях средней интенсивности. В действительности же наблюдаются и заметные, иногда резкие колебания излучения, которые зависят от числа, мощности активных областей на Солнце, в частности от так называемых хромосферных вспышек.

Таким образом, воздействие солнечного излучения на ионосферу крайне сложно. И для того, чтобы заранее предсказать условия радиосвязи на коротких волнах — дело крайне важное, — необходимо самое тщательное изучение такого воздействия.

В павнльоне Академин наук СССР на Всесоюзной промышленной выставке демонстрировались копия первого искусственного спутнника Земли и большая модель, воспроизводящая его полет.

...Под потолком на темно-синем фоне вращающийся земной шар. Вокруг него, оставляя сверкающий след, движется крохотный спутник. С помощью магнитофона воспроизводятся радиосигналы, которые посылала маленькая луна. Создается полная иллюзия полета спутника. Гостящий в СССР Хьюлетт Джонсон, известный общественный деятель Англии, с интересом рассматрнвал эти экспонаты.

Фото Р. Лихач.

Исследования эти важны не только для решения проблем радиосвязи на коротких волнах. Возникают тут и многие вопросы, связанные с непрерывным повышением «потолка» создаваемых человеком летательных аппаратов. Это также требует глубокого знания физических условий в верхних слоях земной атмосферы, условий, которые определяются в основном Солнцем и в значительной мере его ультрафиолетовым и рентгеновским излучениями.

Нам необходимо знать интенсивность этих излучений и для того, чтобы надлежащим образом обезопасить от них будущих покорителей межпланетных пространств, и для того, чтобы получить очень важные данные о физических процессах, происходящих на самом Солнце.

Что мешало и мешает ученым, работающим в этой области? Ультрафиолетовое и рентгеновское излучения Солнца до нас, до поверхности Земли и даже до вершин самых высоких гор не доходят. Пытаются преодолеть эту трудность, используя высотные ракеты с установленными на них светоприемниками. Получены важные результаты. И все же этот метод обладает существенным недостатком: мы можем регистрировать явления в тот очень короткий срок, когда ракета находится на большой высоте, в верхней атмосфере.

У искусственного спутника этого недостатка нет. Он все время находится на очень большой высоте, и регистрация ультрафиолетового и рентгеновского излучений Солнца может происходить все время, пока не иссякнет энергия для питания аппаратуры внутри спутника. Это — неоспоримое преимущество спутника. Теперь можно изучать каждый процесс на Солнце во всем его развитии от начала до конца.

Огромный научный интерес, с точки зрения изучения Солнца, представляет также изучение космических лучей со спутника. Различные исследования позволили установить, что некоторые наиболее сильные хромосферные вспышки следует считать источником космических лучей. Изучение этих вспышек — шаг к пониманию пока еще неясного для нас механизма образования космических лучей.

Запуск второго спутника Земли открыл перед астрофизиками и геофизиками большие возможности в изучении Солнца и его воздействия на верхние слои земной атмосферы. Обсерватории и станции Службы Солнца СССР, участвующие в проведении Международного геофизического года, особенно часто и тщательно регистрировали все явления, происходящие в оболочках Солнца. Трудно переоценить значение материалов, которые будут получены при сопоставлении данных Земли и спутника. Такие исследования человечество проводит впервые.

Шестнадцатого ноября в зале МХАТа состоялась торжественная и радостная церемония вручения знаков и дипломов лауреатам Ленинских премий.

После зачтения постановления о присуждении премий первым получил диплом и знак лауреата старейший русский скульптор Сергей Тимофеевич Коненков. Затем председатель Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства Н. С. Тихонов вручил дипломы и знаки писателю Леониду Максимовичу Леонову, автору романа «Русский лес», и замечательной балерине Галине Сергеевне Улановой.

Почетный знак и диплом лауреата, посмертно присужденные татарскому поэту Мусе Джалилю, приняла вдова поэта Нина Константиновна Залилова.

На снимке: С. Т. Коненков, Г. С. Уланова и Л. М. Леонов.

Фото А. Устинова.

Друзья Олеко Дундича

Олеко Дундич.

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото Л. Чолича, автора и из архивов семьи Чолича.

Ужичане начинают поиски

Перед отъездом в Югославию мне посоветовали побывать на родине Олеко Дундича...

— На родине Дундича? — переспросил меня в Белграде Слободан Крстич, советник Секретариата по информации.— Это не так просто. Вам придется объездить по крайней мере мест пять. Тут как с Гомером. Города спорят, какой из них будет называться родиной Дундича.

В Центральном комитете Союза коммунистов Югославии мне рекомендовали поговорить с югославскими участниками Октябрьской революции: генералом Дмитрием Георгевичем, Николой Груловичем — и кроме того с соавтором сценария снимающегося фильма «Олеко Дундич» Антоном Исаковичем и с техником машиностроительного завода имени Иво Лола Рибара в Железнике.

Мне не повезло: Дмитрий Георгевич был болен, а Груловича и Исаковича в Белграде не оказалось. Тогда я поехал в Железник, под Белградом, на машиностроительный завод имени Иво Лола Рибара. Чем же замечателен тот молодой техник, что работает в Железнике? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться немного назад...

В прошлом году из областного музея советского города Ровно, где похоронен Олеко Дундич, пришло в Югославию письмо. В нем говорилось: «В боях за освобождение города Ровно в июле 1920 года погиб любимый герой Первой Конной армии Олеко Дундич. В областном музее в Ровно есть документы о героических подвигах Олеко Дундича. К сожалению, мы очень мало знаем о детских и юношеских годах выдающегося героя. Нам известно только, что родился он в 1893 году, видимо, в Ужице, в семье богатого торговца скотом. Он не был в хороших отношениях с отцом, ушел из дому и работал сельским учителем. Участвовал в балканских войнах. В 1916 году попал в австровенгерский плен и оттуда бежал в Россию...»

В письме, кроме того, сообщалось, что в России у Дундича, как и у многих иностранцев — участников революции, было несколько имен. Одни звали его Иваном Антоновичем, другие Антоном Ивановичем, третьи Олеко Чоличем и, наконец, Лазаром Чоличем.

Газеты «Народная армия» и «Политика» опубликовали статьи об Олеко Дундиче. В них сообщалось, что Олеко Дундич, прославленный герой Первой Конной армии, один из лучших ее командиров, получивший в борьбе против белогвардейцев двадцать четыре ранения, был выходцем из Югославии. Он один из первых в Советской России получил орден Красного Знамени, имел несколько благодарностей от Ворошилова и Буденного. Газеты писали о письме ровенского музея и просили всех, кто имеет какие-нибудь данные о происхождении Олеко Дундича, сообщить о них в редакцию.

Очень многие простые люди старались внести свою лепту в поиски сведений о человеке, который в период социалистической революции и гражданской войны в России был живым примером дружбы между югославским и советским народами. Поиски шли и в Воеводине, и в Боснии, и в Сплите, но особенно активно — в Титовой-Ужице, где, по сведениям ровенского музея, родился Дундич. Ужичанам очень хотелось подтвердить, что место рождения Дундича — именно их город.

Управитель ужицкого народного театра, товарищ Гойко Шкоро, по собственному почину перерыл все церковные книги, начиная с 1890 года и кончая 1900-м. Но ни имени Алексы (так звучит посербски Олеко), ни имени Лазар ему обнаружить не удалось.

Служащий одного из учреждений Титовой-Ужицы, товарищ Света Иванович, узнал, что в деревнях поблизости от Ужицы есть несколько семейств Чоличей. Он ходил в эти села, расспрашивал, но, к сожалению, ничего определенного тоже не узнал.

Два факта и одно предположение

Может быть, так и окончились бы поиски следов Олеко Дундича в районе Ужицы, если бы не двадцативосьмилетний техник с завода под Белградом. Он тоже прочел в свое время статьи в «Политике» и «Народной армии». Его поразили два обстоятельства: упоминание города Ужица и имя Лазар Чолич.

Дело в том, что сам техник машиностроительного завода под Белградом родился в селе Ражане, которое всего в сорока километрах от города Ужицы, и зовут его не как-нибудь, а именно Лазаром Чоличем.

В первое же воскресенье Лазар сел в автобус и отправился в Ражану к своему отцу, старому Благое Чоличу...

Мы сидим с Лазаром в канцелярии завода, и мой собеседник, худощавый, невысокого роста, заметно волнуясь, рассказывает. Иногда он заглядывает в дневник, куда у него аккуратнейшим образом занесены все записи.

Прежде всего возникла смешная мысль: уж не дед ли его, которого, как и внука, звали Лазар Чолич, воевал в России на фронтах гражданской войны? Но отец ответил, что дед был деревенским попом, благополучно почил в четырнадцатом году и похоронен тут же, в селе Ражане.

— Кого еще в нашей семье звали Лазар и Олеко? — спросил у отца молодой Чолич.

Старик поднял глаза к небу и начал загибать пальцы, вспоминая всех своих братьев, а заодно и сестер. Их было много. Одной руки не хватило:

— Боселька, Евдокия, Райна, Тома, Агапья, Косана, Милан, Станица, Милутин, Драгутин и Благомир. Благомир — это я, Благое то есть... Все померли уже, царство им небесное. Один только не на своей земле захоронен — Милутин.— Старик горестно вздохнул.— К австрийцам в плен попал.

— К австрийцам? — заинтересовался Лазар.— А ты не помнишь, когда он родился?

Старик снова стал смотреть вверх.

— Значит, так. Он на шесть лет старше меня. Я родился, дай бог памяти, в девяносто девятом. Значит, он в девяносто третьем.

Сын потребовал от отца фотографии дяди Милутина. Старик перерыл свои бумаги. Все члены семьи Чоличей были запечатлены на снимках: и дед Лазар, и бабка Смильяна, и все дядья, тетки, их жены, мужья, а фотографии Милутина не было. Благое только разводил руками: ведь Милутин много раз снимался, он хорошо помнил!

Лазар пересмотрел все фотоснимки у жены своего покойного дяди Милана Чолича — Божены, у бывшей жены самого Милутина — Марии, живущих в Валеве. Но везде его ждала неудача.

Лазар снова приставал с расспросами к отцу. И вдруг старик вспомнил, что после конца первой мировой войны бабка Смильяна, мать Милутина, поехала в Аршак, что на Дунае, где находился, как говорили, в плену ее сын, чтобы выяснить, где же он. Она захватила с собой все карточки Милутина. Вернулась она оттуда ни с чем: без сына и без фотографий.

— Ну, а узнала она что-нибудь о Милутине, погиб он или нет? — спросил Лазар отца.

— Да нет, ничего ей не ответили: в списках мертвых его не было, а куда он делся, тоже никто не знал.

Неудача натолкнула Лазара на мысль: раз Милутин не погиб в лагере, раз о нем нет вестей, может быть, он бежал? Это уже находка. Итак, в распоряжении Лазара было два факта и одно предположение: Олеко Дундич и Милутин оба родились в 1893 году; один из вариантов фамилии Дундича совпадает с фамилией Милутина, и, наконец, возможно, Милутин бежал из плена, как и Дундич.

Лазар сел за газеты. Он перечитал все, что можно было достать в Белграде об Олеко Дундиче. Затем со скрупулезностью настоящего историка начал собирать сведения о Милутине. Постепенно он узнал следующее.

Милутин Чолич родился в 1893 году. Отец его, Лазар Чолич, был попом в Ражане. Поп был оборотистый и в компании с неким Зарием Заричем — крупным торговцем скотом из Ужицы, обделывал выгодные делишки. Милутин, как и все его братья, получил начальное образование. А затем поп Лазар решил отдать сына в богословскую школу в Белграде. Но Милутина не прельщала карьера священника. Он поехал в Белград, однако поступил не в богословскую школу, а на знаменитое жестяное предприятие Годжевца. Это было

Мать и отец Милутина Чолича — Смильяна и Лазар.

Олеко Дундич и брат Милутина Чолича — Благое. Обращает на себя внимание сходство этих людей.

приблизительно в 1907—1908 годах. Одновременно Милутин ходил в Белграде в вечернюю ремесленную школу. Через два — три года Милутин вернулся в Ражану, так как в Белграде не нашел работы. Отец, хотевший примирения с сыном, дал ему «кафану» — ресторанчик в центре села — в надежде, что сын остепенится и начнет зарабатывать деньги. Но Милутин редко сидел за прилавком, и дела шли ни шатко, ни валко. В 1913 году Милутин женился и в жены себе взял совсем молоденькую девчонку из бедняцкой семьи. Звали ее Марией. Был Милутин к тому времени стройным, худощавым парнем, темноволосым, с темными глазами и носом с горбинкой. Был задиристым и живым. От своих сверстников отличался еще и тем, что очень много читал. Отец и мать были против его женитьбы, и Милутин окончательно рассорился с родителями.

В 1914 году Милутина призвали в армию. Последний раз Благое видел брата в 1915 году, когда тот, раненный в колено, вернулся домой. Он был к тому времени уже унтером. За год, проведенный в армии, Милутин сильно изменился: стал серьезнее, сдержаннее. Рана его быстро зажила, и он снова ушел на фронт.

— И это все? — спрашивал Лазар.

— Все, — отвечал Благое. — Больше ничего не помню. Жена Мария его уговаривала: оставайся в селе, будем держать кафану, начнем спокойную жизнь. А он ни в какую! Они и поссорились из-за этого. Мария потом за другого замуж вышла. Миодраг Джурович — приятель нашего Милутина по армии — вернулся после войны, рассказал, что видел Милутина в плену в Аршаке на Дунае.

Техник Лазар Чолич и его отец — Благое Чолич.

Лазар разыскал Джуровича. Высокий, крепкий здоровяк встретил его.

— Мы были с ним одногодки, — рассказывал Миодраг Джурович. — В 1914 году нас вместе призвали в армию. Оба мы попали в пехоту, и Милутин горячился: «Чего мы пылим, на коней нам нужно!». Вместо своей Дринской дивизии мы попали в 5-й полк Шумадийской дивизии. Однажды во время отступления мы покинули шумадийцев и бросились догонять свою часть, к которой принадлежали по территориальному признаку. Явились к командиру Драгише Джуричу. Он спрашивает, кто такие. Милутин отвечает:

«Я попа Лазара сын».

«Попа?! Мне поповские дети не нужны».

И отказался его принять. А зря. Милутин был замечательным солдатом. Так я расстался с Милутином. Драгиша дал ему тогда паек на три дня и отослал обратно к шумадийцам... А последний раз я увидел его в шестнадцатом году в лагере Аршак на Дунае. Несколько раз мне удалось с ним переговорить через колючую проволоку. Он все обещал, что убежит из лагеря.

— Ну, и убежал? — с надеждой спросил Лазар.

— Не знаю. Меня вскоре увезли в Германию, а он еще оставался там. Может, и убежал...

— А куда? Куда хотел бежать?

— Откуда же мне знать? — удивился Миодраг. — Вот помню только, что не домой. Домой он не хотел возвращаться. Воевать хотел, такая у него душа была. Помню еще, что дружил он там с русскими военнопленными. Может, с ними вместе и бежал...

О, Миодраг сообщил очень много. Но все же слишком много оставалось сомнений. Почему Милутин, если он Дундич, сказал, что он по профессии учитель? Почему местом рождения он назвал Ужицу, хотя родился в Ражане?

Со всеми этими вопросами Лазар пошел в Белград в редакцию Военной энциклопедии. Там заинтересовались его материалами и посоветовали обратиться к Николе Груловичу, который был в СССР во время гражданской войны и лично знал Дундича.

Грулович сказал Лазару, что, насколько он помнит, Дундич был босняк, и в этом направлении ведутся исследования.

Лазар вернулся домой расстроенный. Николу Груловича знает вся страна. Он авторитет по вопросам гражданской войны, и раз он говорит, что Дундич — босняк, значит, так и есть. Нет, не дело Лазара заниматься историей! Для этого есть специалисты-ученые. Так Лазар Чолич бросил поиски...

Снимок обнаружен, но...

Прошла зима. И вот летом этого года техник из Железника вдруг узнал из газет, что в Югославию приехали советские кинематографисты, чтобы вместе с белградской студией «Авала-фильм» снимать картину об Олеко Дундиче.

«А что, если попросить у них фото Олеко Дундича?» — подумал Лазар.

Но перед тем, как пойти на киностудию, Лазар снова навестил свою тетку Божену, вдову покойного дяди Милана. Милан был учителем, и у него сохранилось самое большое количество бумаг, фотокарточек, разной переписки. Вместе с Боженой Лазар несколько часов подряд просматривал все фотографии в альбомах. Божена всматривалась в пожелтевшие снимки через большое зеленоватое увеличительное стекло и нигде не находила Милутина. Наконец, на свет была извлечена фотография с изображением группы мужчин и женщин, не меньше чем семьдесят человек.

Божена Чолич рассматривает фотографию Олеко Дундича.

— Это во время ярмарки снимались, на горе Стоича в Ражане, — пояснила Божена.

— А здесь не может быть Милутина? — волнуясь, спросил Лазар.

— Здесь? Постой, дай-ка вспомнить... — Божена подняла глаза к потолку, потом сказала: — Здесь наверняка он должен быть. Обязательно! Он снимался тогда.

Божена, разглядывая через свою толстую лупу каждое лицо на фотоснимке, от первого ряда перешла ко второму, потом к третьему. Наконец показала на два еле различимых лица в последнем ряду:

— Один из них обязательно должен быть Милутин.

Лазар схватил карточку и, чуть не расцеловав Божену, бросился в Ражану к отцу. Благое долго и внимательно рассматривал снимки и наконец сказал, указывая на одного из двух, о которых говорила Божена:

— Это мой брат, Милутин.

Однако сравнить лицо Милутина с какой-нибудь фотокарточкой Олеко Дундича было невозможно, потому что на снимке оно было слишком мелко. И все же Лазар пошел на киностудию.

— Нет ли у вас настоящей фотографии Олеко Дундича? — спросил он там.

— Была одна, но мы отдали ее в редакцию газеты «Вечерние новости» для опубликования, — ответили ему.

Лазар отправился в редакцию. И, конечно же, журналисты, прежде чем дать ему фотоснимок, потребовали рассказать, зачем он нужен Чоличу. Лазар рассказал. Сразу был выделен корреспондент, который должен был помогать Лазару в дальнейших поисках истины. Попытались переснять и увеличить изображение лица Милутина Чолича. Но требовалась особая аппаратура, которой в редакции не было.

Тогда вместе с журналистом Александром Джукановичем Лазар Чолич решил отправиться в Валево и Ражану, где жили родственники Милутина Чолича, чтобы посмотреть, как будут реагировать они, когда увидят фото Олеко Дундича, полученное в киностудии. На фото этом Олеко Дундич изображен вместе с К. Е. Ворошиловым, С. М. Буденным и Н. А. Рудневым.

...За окном уже темнело. Смена давно кончилась, и завод опустел. Я видел, как устал от непрерывного рассказа Лазар Чолич. А на отдельном листочке была записана еще куча вопросов. Лазар с опаской посматривал на листок.

— Как же было с этой фотографией? — спросил я.

— Давайте сделаем так, — ответил Чолич. — Поедем завтра в Валево и Ражану. У меня есть новая фотография Дундича, которую там никто не видел. Мне прислал ее один человек из СССР, который тоже интересуется Дундичем. Вы сами посмотрите и услышите, что они скажут.

— А вас отпустят с работы?

Лазар улыбнулся.

— Мы поговорим с директором. Ради такого дела, наверно, отпустит на денек...

«Значит, и директор тоже участвует в поисках», — подумал я. Стало очень хорошо на душе от сознания того, что столько людей интересуются судьбой человека, который так дорог советским людям.

Это он!

Рано утром я заехал на машине за Чоличем, и мы отправились в Ражану, на родину Милутина Чолича. Дорога шла сквозь строй высоченных деревьев, покрытых ярко-желтой листвой. Поднимавшийся ввысь утренний туман был тоже желтоватого цвета.

— Послушайте, Лазар, — сказал я. — Можно понять, что Милутин воевал в России под другим именем. Но почему Дундич говорил, что родился он в Ужице, хотя родина его — Ражана?

— Это выяснилось буквально несколько дней назад, — ответил мой спутник. — Меня тоже мучил этот вопрос. Надо было установить точную дату рождения Ми-

лутина. Я просмотрел церковные книги в Ражане за 1893 год и... Милутина там не обнаружил. Я пошел к отцу — он ничего не мог объяснить. Я перерыл церковные книги в пяти соседних общинах — нет Милутина! Наконец Божена вспомнила, что, как ей рассказывали, моя бабка, беременная Милутином, почувствовала себя однажды плохо и поехала к врачу в Ужицу, где жила ее дочь Станица. По дороге она и родила Милутина. Божена посоветовала мне посмотреть церковные книги в Ужице, может быть, там записали ребенка? Я посмотрел, и действительно...

Лазар протянул мне небольшой бланк, там было напечатано:

«Милутин Чолич, ребенок Чолича Лазара, рожден 24 января 1893 года в Титовой-Ужице и записан в регистрационную книгу рожденных на странице 256 № 23-XI. Смерть фашизму! Свобода народу! 30 сентября 1957 года».

...Село Ражана широко раскинулось вдоль горной дороги, которая ведет в Титову-Ужицу. Не скрою, я волновался, когда машина приближалась к возможной родине героя гражданской войны. Волновался и Лазар Чолич.

— Вон дом, в котором жил Милутин,— пояснял мой спутник.— Вон кафана, которую он получил от отца. А вот и мой отец, Благое.

К нам подошел невысокого роста усатый, горбоносый старик с веселыми глазами.

— Из Москвы? — радостно удивился он.— Из самой настоящей Москвы? Вот это хорошо. Очень хорошо! Друзья наши, большие друзья,— говорил старик, не выпуская мою руку из своей.— Эх, до чего хочется побывать у вас в России, поговорить с людьми! Ведь удивительное дело, чего там у вас брат мой натворил. А? Правду ли, нет говорят, герой? Надо выпить по такому поводу.

Мы зашли в кафану. Не ту, что когда-то содержал Милутин, а рядом, в которой работает теперь сын Миодрага Джуровича, приятеля Милутина по армии. Скоро к столику подсел и сам Миодраг Джурович. Нас окружили ражанцы. Фотография пошла по рукам.

— Он, Милутин,— говорил Благое.— Я и в прошлый раз не сомневался. А на этой фотографии так и совсем ясно. Смотрите, нос, брови, глаза, все, как у Чоличей.

То же самое сказал и Миодраг Джурович.

В Валево мы заезжали к Божене. Она не высказала ни малейшего сомнения — да, это он!

Побывали мы и у бывшей жены Милутина — Марии. Но здесь, мне кажется, лучше предоставить слово журналисту из «Вечерних новостей», который вместе с Лазаром показывал Марии первую фотографию, ту, где Дундич снят с Ворошиловым, Буденным и Рудневым. Вот как описывает этот момент Александр Джуканович:

«Когда закончился разговор о погоде, о ценах на рынке, Лазар сказал, стараясь быть равнодушным:

«У меня есть одна фотография, может быть, ты кого-нибудь узнаешь из Валева?..»

Старушка взяла снимок, на котором Олеко Дундич отдает рапорт Ворошилову и Буденному, пододвинула стул к окну и стала внимательно разглядывать карточку.

Тишина. Старушка смотрит на фотографию и молчит. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Разве эта женщина из камня? Или наши предположения о том, что ее муж и Олеко Дундич — одно и то же лицо, неосновательны?

Лазар больше не в состоянии выносить ожидание, чуть слышно скрипят его ботинки.

«Не спрашивайте меня ни о чем,— начала потихоньку старушка.— У меня из-за него было столько неприятностей. По-хорошему я ему говорила, когда он приезжал на рождество, что мы будем работать в кафане, когда он вернется после войны, а он рассказывал мне, что будет делать в армии. И больше не появился... Эх, мой Милутин!..»

«Но ты уверена, что это он на фотографии?» — переспросил Лазар.

«Да. Его глаза, нос, рот. Но вы можете мне не верить. Вы узнайте,— был ли этот, на фотографии, ранен в колено. И если да, то я готова поклясться, что это Милутин».

* * *

Такова история о том, как шаг за шагом устанавливались факты из жизни замечательного сына югославского народа, героя гражданской войны в нашей стране. Не все еще считают доказанным, что Олеко Дундич и Милутин Чолич — одно и то же лицо.

Много вопросов еще не выяснено. Но уже перед самым отъездом из Югославии я узнал еще одну интересную деталь. Мне позвонил Лазар и сказал, что ныне здравствующий сын скототорговца Зарии Зарича — учитель в Ражане Миладин Зарич — рассказал Лазару, что в детстве Милутин Чолич прозвал Миладина «Булич», а Миладин звал Милутина не иначе, как «Дундич». Лазар Чолич узнал об этом во время своей последней поездки в Ражану с корреспондентом «Правды» Я. Макаренко.

Дело читателей — судить, насколько достоверно утверждение, что Милутин Чолич и Олеко Дундич — одно лицо. Может быть, еще требуются дополнительные исследования специалистов-историков. Пожалуй, все станет окончательно ясным, если обнаружится все-таки фото Милутина Чолича. Сейчас розысками такого снимка занимаются многие люди, и прежде всего рабочие с завода имени Иво Лола Рибара, которые ищут тех, кто работал в 1907—1909 годах на предприятии Годжевца в Белграде. Может быть, у них сохранилось фото Милутина.

Но нам кажется, что не это главное во всей истории. Гораздо важнее то, что люди, участвовавшие в добровольном исследовании — и управитель театра Гойко Шкоро, и служащий Света Иванович, учитель Миладин Зарич, крестьянин Миодраг Джурович, директор завода в Железнике, рабочие, журналисты, работники ЦК Союза коммунистов Югославии, Лазар Чолич и многие, многие другие простые и хорошие люди, которые ведут розыски в других районах Югославии, показали, как им дороги герои Октября, как чтут они память солдат русской революции и как велика искренняя дружба между нашими народами. Наверное, очень порадовался бы Олеко Дундич, увидев еще один пример этой дружбы.

Испытание временем

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

Он был одним из первых, кто объездил Советский Союз после Октябрьской революции. Возвратившись, он рассказывал всем о том, какое воодушевление царит среди советских людей и какая внутренняя уверенность светится на всех лицах, несмотря на материальную нужду и угрозы, идущие извне. Большинство собеседников слушало его скептически и даже недоброжелательно. Но было много и таких, которые выражали ему свои симпатии. Когда в Германии поднялась первая волна белого террора, он чуть не погиб за свое восторженное отношение к Октябрьской революции.

Ему пришлось и в дальнейшем выдержать немало нападок и в собственной стране и за границей. Меня влекло к нему. Однако многие западные интеллигенты ненавидели Советский Союз почти животной ненавистью, и меня самого некоторые друзья ставили перед выбором: либо ты со мной, либо с ним, с Г. Л. Я стал на его сторону.

Пришло время, когда в Москве предстали перед судом внутренние изменники и саботажники. Даже некоторые верные друзья Советского Союза начали впадать в сомнения, многое казалось им невероятным. Они отказывались принять эти факты. Мой друг Г. Л. тоже их не принимал, но он проглатывал их.

Я присутствовал по желанию Сталина на одном из процессов, и я передал моему другу то, что сказал мне Сталин, рассказал также со всей возможной точностью о моих впечатлениях и об общем фоне, на котором протекали эти процессы. Мой друг заявил: «Еще никогда в истории человечества не было сделано шага вперед без борьбы, без кровопролития. Даже самые высокие мыслители соглашались с этим—от Фукидида до Веньямина Франклина. Вожди, даже стоящие во главе справедливого дела, остаются людьми, они подвержены людским слабостям и заблуждениям...»

Л. Фейхтвангер.

Пришло второе испытание. Советский Союз заключил договор о ненападении с Гитлером. Антифашисты целыми группами отходили от Советского Союза. Мой друг Г. Л. не дал себя сбить с толку. Он был убежден, что Советский Союз имел правильные, разумные основания для заключения договора о ненападении и что цель Советского Союза — построение социалистического общества — осталась неизменной. Его высмеивали. Самые близкие люди покинули его. В своем эмигрантском уединении он ушел в себя еще больше.

Пришла война и с ней — величайшие бедствия для Советского Союза. Многие, даже вернейшие друзья, уже заранее оплакивали гибель Советской страны. Но мой друг Г. Л. думал по-другому. Настали дни побед под Москвой, под Сталинградом. Пришла сверкающая, окончательная победа Советского Союза. Сиял и мой друг Г. Л.

Потом началась «холодная война» и с нею — новые трудности для моего друга. Так как он был твердо уверен в миролюбии Советского Союза, многие опять стали издеваться над ним, а иногда и брали в штыки; случалось, что он подвергался преследованиям и со стороны официальных кругов.

«Разве вы не знаете, что идет холодная война?» — кричали ему в уши со всех сторон, стоило ему проронить хоть одно слово в пользу Советского Союза. Его вера в Октябрьскую революцию и в достижение ее конечной цели оставалась непоколебимой.

Сороковая годовщина Октябрьской революции — это один из лучших дней в его жизни.

ПАМЯТНИК В НААРДЕНЕ

Недавно в старинном голландском городке Наардене был открыт памятник великому чешскому педагогу-гуманисту Яну Амосу Коменскому (1592—1670).

Отлитый из бронзы памятник является даром Чехословацкой Республики королевству Нидерландов в знак благодарности за приют, оказанный Коменскому после изгнания его из пределов родины. Коменский прожил последние 14 лет своей жизни в Голландии. В Наардене он был похоронен.

На снимке: посланник Чехословацкой Республики в Нидерландах Виктор Сандор возложил венок у подножия памятника Коменскому.

В. БОРИСОВ

Письмо из США

Альберт КАН

Было уже около полуночи, когда позвонил телефон. Мужской голос сказал возбужденно: «Мне хотелось бы повидаться с вами по срочному делу... Вопрос исключительной важности, и вы, наверно, захотите написать об этом. По телефону я не могу говорить... Мне надо лично рассказать вам все в подробностях». Он добавил, что звонит из Лос-Анжелеса.

Гость прибыл самолетом во второй половине следующего дня. Это был хорошо сложенный, прилично одетый человек лет под сорок, с встревоженным взглядом.

Начал он с того, что достал из пухлого портфеля пачку бумаг. Они свидетельствовали о том, что передо мной научный работник с практическим опытом в области электротехники. Во время войны он служил в чине капитана в американской армии, а в послевоенные годы выполнял некоторые специальные работы, связанные с созданием управляемых снарядов. Потом служил в различных промышленных корпорациях в Соединенных Штатах.

Говорил он, почти не останавливаясь, битых два часа. В конце концов я попросил перейти к существу дела, которое привело его ко мне. Он так и сделал. И только тут я понял, что предо мной явно психически ненормальный человек. То, о чем он принялся толковать дальше, оказалось самым диким бредом.

Несколько лет тому назад он пришел к убеждению, что существует коммунистический заговор, имеющий целью уничтожить его физически и духовно, как он выразился. И именно за то, что он имел отношение к работе по вооружению. Коммунисты, заявил он, заставили его бросать одну работу за другой. Они добились того, что он на время попал в дом для умалишенных...

Нет, он никогда не сталкивался лицом к лицу со своими врагами. Они подбирались к нему тайными путями, но их козни он ощущал каждую минуту. Они сознательно возбуждали подозрения против него, накликали на него всякие беды, травили самыми разнообразными способами. Это такая мука, что он просто впал в отчаяние. Он хочет, чтобы я описал всю историю этих страшных преследований.

Горячечные слова его текли непрерывно. Меня охватила глубокая жалость к этому безумному, измученному человеку. Однако было ясно, что помочь ему не в моих силах...

Я пересказываю все это не потому, что самый случай носит анекдотический характер. Трагедия этой развалины, когда-то бывшей талантливым ученым,— явление, увы, не единичное.

Нет сомнения, что в значительной мере массовый психоз сознательно разжигался определенными кругами — теми, кому прямая выгода поддерживать в стране «предвоенное» напряжение. Но надо сказать, что и сами эти люди нередко оказывались во власти безумия, которое сеяли вокруг...

«Мы действуем так, словно война неизбежна,— писал недавно в своем еженедельнике американский журналист И. Стоун.— Мы создаем военные базы, развиваем военный флот, лихорадочно увеличиваем воздушные силы. Мы милитаризовали всю экономику. Мы углубляем любые разногласия, какие существуют в мире. Мы отворачиваемся от любой возможности договориться с другой величайшей в мире державой. Мы низвели проблему разоружения до уровня фарса, который никто не принимает всерьез».

Иногда задают такой вопрос: «Почему Даллес настаивает на продолжении столь опасной политики?»

Ответ заключается в том, что у Даллеса мало общего с большинством американцев, ибо в течение долгих лет он представлял в качестве юриста, а затем государственного мужа самые крупные из американских корпораций, производящие вооружение. Его собственный «патриотизм» был прекрасно продемонстрирован еще тогда, когда он принимал активное участие в создании военных картелей в гитлеровской Германии.

«Разумеется, я не хочу, чтобы дети погибали в новой войне,— сказал мне несколько лет назад один нью-йоркский делец.— Но если речь идет о выборе между американскими и русскими детьми, то пусть погибают дети русских».

Может ли человек в здравом рассудке проповедовать подобные «идеи»? Только спятив с ума, можно уверить себя, будто атомное оружие будет уничтожать «с разбором» детей разных наций.

Всем известен тот печальный факт, что ядерное оружие грозит гибелью не только живым людям, что радиация, возникающая при его испытаниях, заранее создает опасность умерщвления еще не родившихся человеческих существ. И, тем не менее, находятся такие личности, которые яростно отстаивают необходимость продолжать испытания.

В одном из номеров органа Уолл-стрита «Уикли маркет леттер» высказывается удовлетворение тем фактом, что «международное соглашение, ограничивающее применение атомного оружия», явно оказалось «трудно достижимым» и что «продолжение ядерных испытаний» поэтому вполне вероятно. Автор статьи продолжает:

«Если атомные бомбы еще нужны для того, чтобы «спускать курок» водородной бомбы, то урановая промышленность вправе рассчитывать по-прежнему на устойчивое положение, тем более, что соглашение об ограничении атомных испытаний оказалось маловероятным. Если же атомные бомбы более не нужны, то положение урановой промышленности может оказаться более шатким, чем представлялось до сих пор... Однако все это — дело отдаленного будущего. Единственный вопрос, который встает перед вами, если вы заинтересованы в уране, следующий: «Является ли сегодня эта отрасль наиболее выгодной для того, чтобы делать большие деньги, или она в этом отношении уступает другим?»

Для человека в здравом уме главная опасность — возможность возникновения атомной войны. А издатели бюллетеня «Бизнес-дайджест» озабочены совсем другим. «Возможность внезапного перехода к прочному миру,— утверждают они,— является риском, который каждый деловой человек... должен рассматривать совершенно так же, как риск, которому подвергается его собственность в случае пожара, взрыва или урагана».

Есть среди сумасшедших особая категория — так называемые «пироманьяки». Их все время тянет пустить красного петуха. Но вот перед нами биржевая газета «Мидис сток сэрвей». Она оповещает мир о том, что «холодная война будет продолжаться бесконечно, и это означает бесконечную высокую конъюнктуру для промышленности вооружения». «Разговоры о разоружении — не более как инсценировка»,— вторит с упоением журнал большого бизнеса «Юнайтед стэйтс ньюс энд уорлд рипорт».

В последнее время начала усиленно распространяться новая форма психоза. Его название — «чистая бомба».

«Насколько я могу судить,— гримасничает в припадке безумия журналист Джордан Никсон,— ученые умы, состоящие при президенте, нашли ключ к тому, чтобы избежать непреднамеренного уничтожения людей. Они нашли чистую бомбу».

Когда президент Эйзенхауэр коснулся этого вопроса на пресс-конференции, его спросили: «Имеется ли возможность того, что Россия научится делать эти чистые бомбы, и есть ли у нас уверенность, что они применят их к нам?»

Президент ответил: «Я хотел бы надеяться, что они научатся пользоваться чистыми бомбами и будут ими пользоваться...»

Видимо, что-то в этом ответе показалось Белому дому не вполне приемлемым, и газетчикам было предложено видоизменить его при печатании. Исправленная формулировка гласит: «Я хотел бы надеяться, что они научатся пользоваться чистыми бомбами и что, если они когда-либо применят атомные бомбы, они будут пользоваться чистыми».

Казалось бы, у людей появилось бы больше надежды, если бы и мы и русские вообще прекратили производить атомное оружие. Увы, если судить по словам президента Эйзенхауэра, ученые заверили его, что прекращение испытаний атомного оружия имело бы «отрицательный эффект... для мирного использования этого нового знания, обретенного человечеством». Видимо, эти «ученые» полагают, что для того, чтобы улучшить человеческую жизнь, надо создать «идеальное» средство уничтожения людей!

Профессор Бентли Глэсс, генетик, пошел еще дальше. Выступая недавно на собрании в Национальной академии наук, этот джентльмен утверждал, будто «радиоактивные осадки, возникающие в результате испытаний атомных бомб, причиняют не больше вреда в генетическом отношении, чем светящиеся цифры на циферблате карманных часов». Общий его вывод был таков: «Мирное применение атомной энергии представляет намного большую опасность для будущих поколений, чем испытания ядерного оружия...»

Нелишне отметить, что личности, подобные профессору Глэссу, ни в малейшей мере не расположены шутить. Они сохраняют абсолютную серьезность, когда изрекают что-либо вроде приведенного выше. Как это сплошь и рядом наблюдается в психиатрической практике, они глубоко уверены, что все люди полностью разделяют их галлюцинации.

К счастью, однако, американцы как нация не собираются свернуть с рельсов разума. Институт Гэллопа опубликовал данные, показывающие, что огромное большинство американцев высказывается против продолжения испытаний ядерного оружия. Это показательно для настроений американского народа.

«Очень обнадеживает тот факт,— писала газета «Лейбор эдвокэйт»,— что в стране выявляется все нарастающее сопротивление испытаниям атомного оружия».

Но опасность по-прежнему состоит в том, что люди, чьи головы работают не так, как у нормальных людей, продолжают занимать высокие посты. Они по-прежнему навязывают Соединенным Штатам политику, которая противоречит желанию большинства американской нации. Умерить пыл этих джентльменов и обезопаситься от их безумств — самая важная проблема, которая стоит перед американским народом сегодня. Было бы наивно думать, что это легкая задача. Но, к счастью, многие миллионы людей в остальных странах мира стоят на стороне разума.

Ю. Пименов. ОБЫКНОВЕННОЕ УТРО.

Картины с выставки «Москва социалистическая в произведениях московских художников»

В. Руднев. ПОКРОВСКИЙ БУЛЬВАР.

Р. Галицкий. МОСКВИЧКИ НА ЦЕЛИНЕ. ВЕЧЕР.

У старых застав

Анатолий КУДРЕЙКО

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ОЖИДАНИЕ

Отцы и матери стоят
с цветами на вокзале,
отцы и матери глядят
в невидимые дали
и видят их:
они глядят
своей души глазами,
а тем глазам
доступна вся
дорога за лесами!
Любовь им зрение дает,
какого нет на свете!
И видят за сто верст экспресс,
в котором едут дети —
их дети,
плоть от плоти их,
родимая кровинка,
чья жизнь
недавно лишь была
приметна, как тропинка!
А летом —
ух, как далеко! —
от отчего порога
махнула
звавшая детей
житейская дорога!
От Подмосковья
за холмы уральские
махнула,
палящим зноем целины
она в лицо дохнула...
Изнемогая от зерна,
громада урожая
прильнула к молодым рукам,
о силе вопрошая.
Достало силы совладать!
Сноровки не хватало,
но пообвыкли — и нашлась,
хоть сроку было мало!
Что значит выкосить массив,
самим отцам знакомо:
их в комсомольские года
страда
лишала дома:
давал ночлег
дощатый стан,
копна взамен постели,
татарник до крови колол,
а косы в поле пели!..
...О, как не терпится обнять
натруженные плечи!
Но не торопятся часы
приблизить счастье
встречи,
они идут себе, идут,
стараясь потихоньку,
большие стрелки разводя по кругу
полегоньку...
Отцы и матери стоят
с цветами на вокзале,
отцы и матери глядят
на ленты черной стали,
на водокачку,
светофор под козырьком
блестящим,
на поворот,
откуда дым
пойдет столбом летящим!..

КРЕСТОВСКИЙ МОСТ

Крестовский мост!..
А вот реки не видно:
во рву
под ним
проносятся пути.
И, может, мосту
чуточку обидно,
что отраженья
в рельсах не найти.

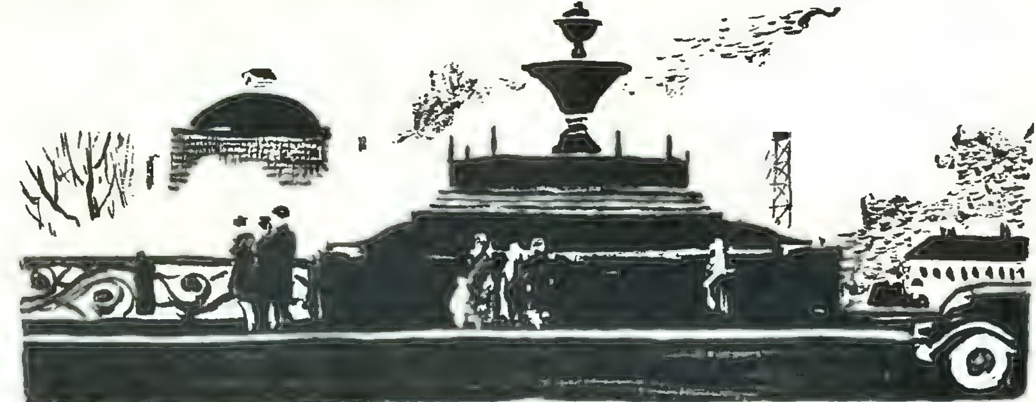
Река сфотографировала б сразу
фигурное литье
его оград,
чугунную ступенчатую вазу,
от проводов
мгновенный звездопад.
И отблески троллейбусного света
летели бы
с машиной наравне,
как если бы вручалась эстафета
поочередно каждой стороне...

Еще вчера
в московские пределы
входил
за рвом ютившийся посад,
подъемников стремительные стрелы
не волновали
яблоневый сад,
и обстояло все от века просто:
до рва — Москва,
за ним — ночная тьма...

Как с высоты
внушительного роста
друг друга взглядом
меряют дома!

На павильонах царства Изобилья
зажглись
эмблемы,
шпили,
купола...
Несутся
фар светящиеся крылья
среди громад
из камня и стекла.
Любуясь перспективой магистрали,
ее разбега видя красоту,
гудение вибрирующей стали
готов я долго слушать на мосту!

Он вознесён,
где старожил не сыщет
резервуаров башен водяных,
где грай вороний
слушало кладбище,
где тес чернел
на кровлях избяных...
Иной пиит
не ведает, что деет,
когда одни лишь древности поет:
стихи стареют,
город молодеет
и сам себя в стихах не узнает!

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Весною по Москве
люблю идти с работы...
Конечно, в голове —
житейские заботы:

то накупить еды,
то взять тетрадей
детям...
А все же без беды
займусь не только этим.

Ну, прямо фестиваль
стекла, небес и солнца!..
В трубу летит хрусталь,
в трубе не стало донца...

Не снял пальто и бот,
а будто из купели
выходит пешеход
в отметинах капели.

Природою самой
покой нарушен в мире:
чудят весна с зимой,
как женщины в квартире.

Поет себе весна,
зима ворчит в досаде...
Деревьям не до сна
при мысли о наряде:

пусть птичий голосок
звенит в листве
обильной...
Спускается в лесок
туман автомобильный.

Весною и мотор
рокочет веселее,
летя во весь опор
прозрачною аллеей...

Да просто благодать
и даже легкость в теле,
и по глазам видать,
как все помолодели!

Окружный путь избрав
от Химок до Арбата,
зайду на Телеграф,
что строил сам когда-то,

и юности своей,
чей образ не оставлю,
за океаны дней
я «молнию» отправлю!

ЖЕТОН

Порой пустячная вещица —
и та значения полна...
Взять камешек морской
случится —
и слуху чудится волна.

Похож на старую монету
пробитый табельный жетон,
а отзовется блеском свету —
и сколько сразу скажет он.

Его ты вешал на заводе
под сетку в узкой проходной,
его снимал ты при уходе:
он был как паспорт, номерной.

Его ты сам не сдал в контору,
когда расстался со станком:
«Пустяк, а дорог, нету
спору», —
как не подумать о таком!

Берешь пластинку из железа,
все мигом в памяти встает:
опять кружащаяся фрéза
в своем мелькании поет!..

НОВЫЙ ДОМ

Рассказ

Анатолий ЗЛОБИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

1

Незадолго перед уборкой, в конце июля, Владимир Харитонов начал собираться в дорогу. За этим занятием и застал его тракторист Полищук. Придя с работы, Полищук увидел необычную картину. Посреди комнаты стояли два раскрытых чемодана, а перед ними, выставив вперед острые коленки, сидел на корточках Харитонов. По всей комнате — на кровати, на столе, на табуретках — были раскиданы вещи.

— Нафталину не требуется? — весело спросил Полищук. — Могу одолжить грамм сто.

Харитонов пробурчал что-то нечленораздельное и продолжал бросать вещи по комнате.

— Волнующе и непонятно, — сказал Полищук.

— Отстань, тебе говорят. Не видишь, манатки укладываю.

Полищук нелепо взмахнул руками и выскочил за дверь.

Вскоре в комнате собрались товарищи Харитонова. Они стояли перед ним и с интересом наблюдали, как он укладывается.

— Далеко собрался, парень? — спросил Сергей Воронцов.

Харитонов посмотрел снизу на товарищей и презрительно хмыкнул в ответ. Затем он вытащил из чемодана мятые коричневые штаны от лыжного костюма и ловко перекинул их через руку.

— Продаются штаны, — объявил Харитонов. — Цена общедоступная: двадцать рублей.

— Надбавь за каждую заплату по рублю, — съязвил Воронцов. — Кому они нужны, твои заплаты!

Харитонов с сожалением посмотрел на Воронцова, скомкал штаны, бросил их в чемодан и поднял с пола сапоги.

— Парусиновые сапоги на коже. Шиты по спецзаказу. Сто рублей.

— Ну-ка, покажь. — Полищук взял сапоги и принялся мять их и вывертывать. — Подметка почти прохудилась. Красная цена в базарный день — семьдесят пять.

Харитонов с возмущением забрал сапоги и замахнулся ими на Полищука.

— Пора вызывать «Скорую помощь», — заключил Воронцов, загораживая Полищука.

Харитонов бросил сапоги на пол и отошел к кровати.

— А вы, собственно говоря, зачем сюда приперлись? — удивленно спросил он. — Я пожитки укладываю, никому не мешаю, а вы приперлись. Зачем? — Харитонов сел на кровать и вытащил из кармана мятую пачку папирос. — Не понимаю, зачем вы приперлись? Не видели, как в дорогу собираются? Фотоаппарат, между прочим, тоже могу продать. Шестьсот рублей ноль-ноль копеек. На новом месте заново обживаться будем.

— Куда же ты собрался? — спросил Полищук.

Харитонов глубоко и тяжко вздохнул:

— Далеко, ребята. На Тихий океан.

— Куда, куда? — переспросил Полищук. — В Америку?

— Нужна мне твоя Америка! — обиделся Харитонов. — Тихий океан, он большой. Одной стороной он в Америку выходит, а другой к нам. Понятно?

— А что ты там забыл, на этом океане?

— Как что? — удивился Харитонов и с сожалением посмотрел на товарищей. Он до глубины души жалел их за то, что они равнодушны к Тихому океану. — Неуместный вопрос. Тут все ясней ясного. Много я краев объездил, а на Тихом океане еще не бывал. Теперь решил исправить ошибку молодости.

Харитонов стал на колени и полез под кровать. Вскоре оттуда показалась его рука с большой черной сковородой. Харитонов с вызовом помахал ею в воздухе.

— Продается сковорода. Кому сковородка?

— Да, теперь все ясно, — мрачно заключил Воронцов.

— Пошли, ребята, сегодня кино обещали, — сказал Полищук и почему-то сел на табуретку у стола.

— А Верка знает? — спросил Воронцов.

Харитонов вылез из-под кровати и крепко, как щит, прижал сковороду к груди, надвигаясь на Воронцова.

— Ты по больному месту не бей. Запрещенный удар. Ясно?

— Не знает, значит, — невозмутимо ответил Воронцов. — Эх, ты! А сковородку я на твоем месте прежде почистил бы.

— Пошли, ребята, а то опоздаем, — сказал Полищук, не трогаясь с места. — Или жениха караулить будем?

— Не бойтесь, не убегу. Всех приглашу на прощальный вечер. — Харитонов осмотрел сковороду и сунул ее под кровать. — Такой вечер устрою, закачаешься!

— Ну что ж, пошли в кино, — сказал Воронцов.

— Чего с ним разговаривать?

— Пускай проспится.

Воронцов направился к выходу. Полищук нехотя встал и пошел за ним. У двери он приостановился.

— Восемьдесят рублей дам за сапоги. Больше ты за них не получишь.

— Ладно, там поглядим. Проваливай, — сказал Харитонов и опять сел на корточки перед чемоданами.

Три дня Харитонов распродавал свое имущество и кончил тем, что продал и один чемодан. Оставшиеся вещи поместились в другом чемодане; пухлый, обвязанный ремнями, он торчал из-под кровати и как бы молча укорял своего хозяина.

Директор совхоза Спиридонов знал о предполагаемом отъезде Харитонова, но не предпринимал пока никаких шагов. Директор рассчитал правильно: Харитонов сам пришел к нему.

— Явился все-таки! — встретил его директор. — Присаживайся, слушаю тебя.

— Решил я уехать, Василий Иванович, — глухо сказал Харитонов. — Отпустите?

— Это почему же?

— Степь мне вредна стала. На нервную систему нехорошо воздействует.

— В альпинисты решил пойти или в летуны записаться?

— Я легкой жизни не ищу, Василий Иванович, честное слово.

— Ну, ну. Еще что скажешь?

Харитонов вдруг наклонился к директору и взял его за рукав.

— Понимаете, Василий Иванович, вырос я из целины, честное слово, вырос. Мне нового хочется, трудного. А тут уже все позади, все освоено. У меня душа новых горизонтов требует. Отпустите, Василий Иванович, а то сам уйду.

— Все сказал? Выходит, правильно мне говорили. Отвечу одно: скатертью дорога. Можешь ехать хоть сегодня.

Харитонов не ожидал, что его отпустят так легко и без сожаления.

— Спасибо, Василий Иванович, — пробормотал он, переминаясь с ноги на ногу и разглядывая телефон на столе.

Директор весело посмотрел на него.

— Ну, что еще? Я же сказал, к вечеру все оформим.

Харитонов перевел глаза с телефона на карту мира, висевшую на стене. Директор откровенно улыбался, глядя на него.

— Ну, давай, давай, Харитонов! Мне некогда.

— Деньжонок бы мне, Василий Иванович.

— Взаймы могу дать рублей сто. А больше у меня денег нет. Совхоз не благотворительное заведение.

— Я не в долг. Заработать мне дайте. На дорогу. Ехать-то далеко. Я недели две поработаю — и в расчет. А то последнее время тракторных работ мало было, там и получать нечего.

— Мне сезонники не нужны, — сухо ответил Спиридонов.

— Василий Иванович, какой же я сезонник! Я два года на целине отработал, двести гектаров целины и залежи поднял. — Харитонов чуть не плакал от обиды.

В кабинет без стука вошел Борис Игнатьев, секретарь комсомольского комитета. Не глядя на Харитонова, он поздоровался с директором и сел на стул у окна, положив на колени толстую папку с бумагами.

— Ты учти, Харитонов, — заговорил Игнатьев, глядя на директора, — учетную карточку я тебе просто так не отдам. Запишем строгача. Что вы решили, Василий Иванович?

Спиридонов только руками развел:

— Вот, пришел, работу просит. На мягкий вагон хочет заработать.

Игнатьев даже побагровел от возмущения.

— Работу? Летуну? Неужели вы дадите работу этому летуну?

— Что делать? — Спиридонов покачал головой. — С утра думаю, кого бы мне на станцию послать. Прибыли шесть сборных домов. И ни одного человека свободного нет: всех с утра разогнал.

— Пошлите меня, я привезу, — быстро сказал Харитонов.

Игнатьев присвистнул:

— Доедешь до станции, а фьюить...

— Честное слово, Василий [illegible]ич! Хотите, я паспорт вам оставлю! Не убегу, привезу дома.

— Может, ты их и построишь? — усмехнулся Спиридонов.

— А что? Давайте бригаду. За десять дней поставим дома. Я ведь еще первое общежитие строил.

— Только с условием: пока дома не поставишь, я тебя не отпущу. Договорились?

— Свято, Василий Иванович.

— Иди в гараж за машинами. Потом при-

ходи за доверенностью. А паспорт возьми с собой: не получишь груза.

Харитонов пулей выбежал из кабинета. Игнатьев посмотрел ему вслед и сурово покачал головой.

— Вот что, секретарь, — проговорил Спиридонов поворачиваясь к Игнатьеву. — Неужели твой головастый комитет ничего не придумает, чтобы удержать парня? Золотые руки. Жалко будет, если он уедет.

В этот же день вечером, когда Харитонов уезжал на станцию, Игнатьев срочно собрал комсомольцев — членов комитета.

— На повестке дня один чрезвычайный вопрос: как удержать Харитонова в совхозе?

Перебивая друг друга, вскакивая с мест, комсомольцы начали горячо обсуждать чрезвычайную повестку дня. Судьба товарища волновала их всех.

— Он давно грозился, что уедет в новые края, — сказал Леонид Карпенко. — Говорил, что ничто его здесь не удержит: ни дом, ни огород.

— Ой, мальчики, пропадет он там! — радостно воскликнула Лида Смолянова, которую чрезвычайно волновал отъезд Харитонова. — Оторвется от коллектива, попадет в дурную компанию. Чует мое сердце!

— Прямо так и пропадет. Такой не пропадет. А вот удержать его надо, это да.

— Он все равно уедет.

— Конечно. У него мать цыганка.

— Выдумал тоже. Никакая она не цыганка, а просто так...

— Он сам говорил, цыганка.

— Товарищи, прошу организованно. Вносите конкретные предложения.

— Вызвать его на комитет и проработать. Как услышит про строгача, сам не захочет ехать.

— Прямо так сразу и прорабатывать! За что? Что ему в совхозе не нравится? Сами виноваты. Скучно стали жить. В прошлом году веселее жили.

— Правильно, Петро, строгача ему!

— Порядок, товарищи, порядок. У кого еще будут конкретные предложения? Нет других предложений? Ставлю предложение о выговоре на голосование. Кто за?

— Мальчики, подождите! — робко проговорила Наташа Карпенко. — Я предлагаю позвать Веру Бугрову. Она нам поможет.

— Правильно!

— Тащи ее сюда!

— Конкретно, товарищи. Ставлю на голосование...

Наташа побежала за Верой.

Ни для кого в совхозе не было секретом, что у Харитонова и Бугровой, как говорится, роман. Он начался еще прошлым летом и продолжался с переменным успехом до последнего дня. Весной казалось, что роман вот-вот придет к счастливому концу и завершится свадьбой, как большинство романов на целине, но этого почему-то не получилось.

Вскоре пришла Вера Бугрова. Наташа по дороге рассказала ей, в чем дело, и Вера сразу начала бурно плакать. Когда она вошла в комнату, где заседал комитет, лицо ее уже напоминало мокрую губку: Вера меняла третий платок.

Увидев в комнате столько людей, Вера заплакала еще сильнее и забилась в угол. Наташа изо всех сил успокаивала ее. Члены комитета сидели молча и строго смотрели на Веру. Вера постепенно успокоилась и взяла в руки новый платок.

Вот что рассказала Вера.

Харитонов с самого начала заявил Вере, что жениться не намерен. Ни на ней, ни на ком-либо другом. «Жениться и жить в общежитии? — говорил Харитонов.— Большое спасибо. И вообще, я скоро подамся в новые края, и оставлять хвост мне ни к чему». «А как же я? — спрашивала Вера.— А наша любовь?» «Если хочешь, поедем со мной. На новом месте обоснуемся, построим дом и тогда поженимся». Вера умоляла Харитонова не уезжать, но он был непреклонен. Они продолжали встречаться, ходили по вечерам в степь, но как только Вера заводила разговор об отъезде, Харитонов мрачнел и замыкался. В конце концов Вера притерпелась, с готовностью рассказывала всем, как она страдает, и охотно принимала сочувствие подруг.

Недавно Харитонов объявил, что уезжает на восток. Вера отказалась поехать с ним. Они поссорились.

— Вот и весь мой рассказ, — говорила, всхлипывая, Вера. — Уедет он, и останусь я одна, ни вдова, ни замужняя.

— Да! — многозначительно протянул Леонид Карпенко. — Положение такое, что пора вмешаться комитету.

Вера предостерегающе схватилась за платок.

— Не вмешивайтесь, прошу вас. Я его силой держать около себя не могу. Я хочу с ним красиво проститься...

Карпенко с презрением смотрел на Веру. Игнатьев поднялся и подвел итог:

— Загадочный народ. Одна приходит — прошу исключить, другая — не вмешивайтесь... Загадка природы.

— А если так, ребята... — Карпенко обвел товарищей глазами. — Володя взялся дома поставить. Направим Веру в его бригаду. Может, она его своим красивым поведением прошибет.

Вера часто кивала головой и закрывала платком большие, красивые глаза.

2

Харитонов привез стандартные дома и получил строительную бригаду из двенадцати человек. Второй бригадой руководил плотник Борис Щеглов. Каждая бригада ставила два дома.

Началось соревнование. Пожалуй, еще никогда в истории совхоза строители не работали с таким азартом. Едва вставало солнце, на площадку выходил с лопатой в руках Харитонов. Следом появлялся Борис Щеглов и начинал готовить свой участок. Третьей приходила Вера Бугрова. Она молча становилась рядом с Харитоновым и копала яму под фундамент. Харитонова она словно не замечала и орудовала лопатой быстро и старательно. Иногда Харитонов переставал кидать землю и смотрел на Веру. Но Вера все равно не замечала его. Она вела себя красиво.

Харитонов снова брался за лопату и бросал землю. Он работал со злым ожесточением. Он был оскорблен и обижен. Никто его не понимает. Все считают его летуном и сезонником. Подождите, он покажет всем, что никакой он не летун! Покажет делом. Поставит такие дома, что все ахнут от удивления. И тогда он уедет. И все будут жалеть, что от них уехал такой замечательный человек, мастер на все руки. А он все равно уедет.

И Харитонов зло нажимал на лопату, вонзая ее в землю.

К семи часам утра собирались остальные. Копали траншеи под фундамент, кололи бутовый камень, тесали лаги для полов.

На третий день, опередив на несколько часов вторую бригаду, Харитонов начал ставить стены первого дома. Бригада Щеглова поднажала и к вечеру почти сравнялась с харитоновцами. На четвертый день два дома были уже подведены под крышу. Многие приходили смотреть, как соревнуются бригады. Они стояли поодаль и обменивались впечатлениями.

— Ловко шевелятся, черти!

— Работают, как звери.

— Харитонов нынче всю ночь ишачил. Даже спать не пошел.

— И Вера с ним была? Хорошая работка...

— Не болтай: они в разводе...

— Говорят, еще десять домов на станцию прибыло.

— Придется вступить в деликатные переговоры с Марусей относительно новоселья.

Пришел секретарь комсомольского комитета Игнатьев. Он постоял, наблюдая за строителями, и проговорил:

— Харитонов гонится за длинным рублем. Это ясно.

— За такую работу не жалко и подлиннее заплатить, — заметил прораб. — Еле успеваю материал подавать. А ведь у меня две машины в бегах.

На восьмой день к обеду Харитонов сдал первый дом. Приехал директор. Он долго ходил по дому, нюхал стены, дергал рамы. Харитонов ходил за ним с окаменевшим от волнения лицом. Директору не удалось оторвать ни одной ручки, выломать ни одного кирпича из печки. Только после этого Спиридонов успокоился и вышел на крыльцо. Харитонов с сияющим лицом шел следом.

— Хороший дом, — сказал директор. — Второй, наверное, хуже будет?

— Старался, как для себя, — смущенно ответил Харитонов.

— Что ж, за такую работу полагается награда. Как ты полагаешь? — Директор пристально посмотрел на Харитонова.

Харитонов сиял. Еще бы, теперь все видят, что он не летун и не сезонник.

— На той неделе еще десять домов прибывают. Может, их заодно поставишь? Как?

— Не могу, Василий Иванович. Честное слово, никак не могу. Тихий океан меня зовет.

— Что ж, уговора нарушать не будем. Кстати,— Спиридонов повернулся и позвал Игнатьева. Тот подошел. — Можно распределять квартиры. Какие предложения имеет комитет? — Игнатьев ловко раскрыл на весу, пухлую папку и назвал четыре фамилии. — Так, — задумчиво протянул Спиридонов. — Две квартиры свободных?

— Еще не решили, Василий Иванович. Может, кому из пожилых?

— Давать, разумеется, будем только семейным. Я потом проверю твоих кандидатов: как у них на любовном фронте? Пришли-ка их ко мне вечерком.

— Часиков в семь, да?

— Так, так.— Спиридонов задумчиво пощелкал пальцами.— Претендентов на эти дома много наберется. А интересно, что скажет комитет, если дать дом Харитонову?

— Дом? Этому летуну? — ответил возмущенный Игнатьев.— Ни за что! Комитет будет против. Единогласно против.

Услышав слова директора, Харитонов побледнел и кинулся вперед.

— Мне дом не нужен! — закричал он. — Не нужен, Василий Иванович.

— Напрасно ты за весь комитет ручаешься! — Директор совсем не слышал Харитонова. — Я хоть и не член комитета, но считаю: надо дать дом Харитонову, вот этот самый дом, который он построил. Поработал на славу!

Харитонов был просто в отчаянии и хватал директора за рукав.

— Василий Иванович, я не возьму. Что хотите делайте, не возьму. Мне такой награды не надо.

Директор наконец услышал отчаянные вопли Харитонова.

— А-а! Это ты? Осторожней, рукав оторвешь. А дом хороший. Бери, не пожалеешь. Заведешь огород, курочек тебе подбросим. Мечта!..

— Василий Иванович, прошу вас, не давайте мне дома, не давайте!

— Смотрите, — возмутился Игнатьев, — он думает, что перед ним на коленях стоять будут!

— Я все равно уеду, — говорил бледный от страха Харитонов. — Никакие дома мне не нужны. Я уже все пожитки собрал, вещи продал. Послезавтра в дорогу.

— Как знаешь! — равнодушно сказал Спиридонов. — Дом этот твой, а там как знаешь. Хоть сегодня уезжай.

— Я же не могу его брать. Не давайте мне. Я же уезжаю. И, кроме того, я холостой. А вы сами сказали, что только семейным...

— Подумаешь, холостой, — усмехнулся Спиридонов. — Долго ли тебе. Молодой, красивый...

Спиридонов скосил глаза на дверь, у которой стояла Вера. Она стояла там, у входа в новый дом, все это время и слышала весь разговор. Увидев, что директор посмотрел на нее, Вера закрыла лицо руками и бросилась внутрь дома.

— Хороший дом. Смотри, Харитонов! Даю тебе два часа на размышление. Не займешь дом, я других жильцов найду. Пошли, секретарь!

Харитонов остался на крыльце. Некоторое время он оторопело смотрел вслед директору, потом вдруг ослабел и присел на ступеньку. На строительной площадке никого не было: рабочие ушли в столовую. Харитонов сидел на крыльце, смотрел на построенный им дом и не узнавал его. Дом и в самом деле получился замечательный, как на картинке. Стены белые, ровные, без единой царапины. Красная черепичная крыша выложена аккуратно, плитка к плитке. Рамы в окнах подогнаны так, что комар носа не просунет.

«Старался, как для себя»,— вспомнил Харитонов и невесело усмехнулся.

Он устало поднялся и прошел внутрь. Налево была первая комната. Харитонов внимательно осмотрел ее, но и комната была другая, не такая, как десять минут назад. Он вспомнил, как плита передней стены вырвалась у них из рук, когда ее ставили на место, и едва не придавила его, но это воспоминание ничего ему не объяснило.

«Надо было бы в салатный цвет покрасить», — подумал Харитонов и прошел во вторую комнату. Как и первая, она была окрашена в голубой цвет. И здесь все осталось таким же, как десять минут назад, когда директор осматривал дом, и все же что-то изменилось в комнате. Половинка окна распахнулась и раскачивалась на ветру, яркие солнечные блики ползали по полу. Харитонов подошел к окну и закрепил раму на крючок — солнечное пятно неподвижно застыло в углу. «Да, салатный цвет был бы лучше», — неотступно думал Харитонов, осматривая комнату.

Он прошел в коридор и толкнул дверь на кухню. Там, забившись в дальний угол, за печью, сидела на полу Вера и испуганно глядела на Харитонова.

— Володечка! — воскликнула она, протягивая вперед руки.

— Молчи! — строго сказал Харитонов и шагнул к окну.

— Володечка, не брани меня. Не виновна я, что послали меня в бригаду. Не просила я, они сами послали. Не держу тебя, сокол мой, поезжай, если сердце велит. Об одном молю, вспоминай меня ты в далекой стороне. Вспоминай твою Верочку безутешную, как тоскует она без Володечки, разрывается ее сердце на кусочки. — Вера ломала руки и причитала все громче, а крупные слезы катились по ее лицу.

— Замолчи! — прикрикнул Харитонов. — Не до тебя сейчас.

Вера смолкла, негромко всхлипывая. Харитонов строго смотрел в угол. Вера перебила его мысли, а ему казалось, что он вот-вот найдет главное. Но вместо этого в голове навязчиво крутились все те же слова: «Салатный цвет, салатный...»

И вдруг Харитонов все понял. Он бросил взгляд на Веру и осторожно, на цыпочках, пошел к двери. Вера по-прежнему сидела на полу, закрыв лицо руками. Увидев, что Харитонов уходит, она испуганно вскрикнула и протянула руки вперед.

— Я сейчас, сейчас, — пробормотал Харитонов, не обращая внимания на Веру.

Боязливо озираясь на новый дом, Харитонов побежал в общежитие. Там он вытащил из-под кровати свой чемодан, перебросил через плечо пальто и вышел в коридор. Его никто не заметил: все были в столовой. Харитонов приоткрыл дверь на улицу и воровато огляделся кругом. Не обнаружив ничего подозрительного, он быстро завернул за угол, собираясь пройти задами на край поселка. Кто-то из трактористов все-таки заметил его:

— Эй, Володька! Драпаешь?

Харитонов не обернулся, только прибавил шагу.

— Держи его! — раздался насмешливый голос с другой стороны.

Харитонов припустился бегом, коротко перебирая ногами. Чемодан больно бил его по ногам, но он бежал, не оглядываясь, не обращая внимания на крики, которые раздавались позади.

Запыхавшись, он вбежал на крыльцо. Резко толкнул дверь и, задевая чемоданом за косяки, протиснулся в кухню. Там он поставил чемодан и сел на него, тяжело переводя дыхание. Вера сидела на том же месте и широко раскрытыми глазами смотрела на Харитонова.

— Ну, чего уставилась? — ворчливо проговорил Харитонов. — Пойдем за твоими вещами.

Вера встрепенулась и вскочила на ноги.

— Я сама принесу, сама, — заволновалась она и зачем-то принялась чистить юбку, замазанную голубой краской.

— Начнется теперь морока! — проворчал Харитонов. — Мебель приобретать надо. Эх, сковороду я продал, хорошая была сковорода!

— Володечка, родной мой! — запричитала Вера. — Не надо нам ничего: ни шифоньеров, ни комодов. Был бы ты со мной, мое солнышко!

Вера протянула руки вперед, обхватила голову Харитонова. Сидя на чемодане, тот завертел головой, но Вера прижимала его голову к животу и не выпускала.

В окно раздался резкий стук. Чья-то тень промелькнула по стеклу.

— Бригадир, перерыв кончился. Или загорать будем?

— Иду, — коротко отозвался Харитонов и вырвался наконец из рук Веры. — На, возьми, хозяйкой будешь.

Он порылся в карманах и протянул ей связку ключей. Она прижала их вместе с его рукой к своей груди, ключи негромко зазвенели, и в ответ им раздался счастливый смех Веры.

Держась за руки, они вышли на крыльцо нового дома.

ЗОДЧИЙ

В небольшом доме в Москве, на улице Станкевича, долгие годы живет и трудится за своим простым чертежным столом выдающийся зодчий нашей страны — академик архитектуры Иван Владиславович Жолтовский. 27 ноября этому скромному, трудолюбивому человеку, сочетающему в себе талант художника, познания ученого, богатый опыт строителя, мастерство педагога, исполняется 90 лет.

И сейчас Жолтовский полон широчайших замыслов, проектов и планов на будущее, и изо дня в день он продолжает проектировать, творить. Большой, тонкий знаток античности и Возрождения, классического и русского зодчества, он мастерски анализирует драгоценные памятники прошлого. На основе огромного фактического материала, изученного им, Жолтовский творчески разработал стройную систему и принципы построения современных архитектурных ансамблей, основ архитектурной композиции. В то же время он живо интересуется решением острых вопросов индустрии, современной строительной практикой.

За долгие годы творческой деятельности Жолтовский осуществил в Москве, Ленинграде и многих других городах и селениях страны поистине огромное количество построек: вокзалы и театры, здания почт и жилые дома, электростанции и парки, фабрики и санатории, музеи и поселки, многочисленные общественные сооружения, реконструкции городов... Нет такой области строительства, в которую не вложил бы свой труд и талант старейший зодчий. Поражают широта и разнообразие образов, ясность композиции, логика и стройность всей системы создания им художественного целого. Его постройки и еще не осуществленные проекты, эскизы, чертежи — богатая школа для молодых советских архитекторов, изучающих законы композиции.

Еще в период упадка архитектуры, в конце XIX—начале XX века, когда в нее глубоко проникли разлагающие влияния декадентства, увлечения модерном, эклектикой, И. В. Жолтовский страстно и последовательно отстаивает жизненность принципов правдивой классической и народной архитектуры. Его сооружения того периода, такие, как Дом скакового общества, жилые особняки в Москве, отличаясь высоким мастерством, на фоне общего упадка архитектуры имели большое прогрессивное значение. Это был плод глубокого творческого изучения и анализа в натуре лучших образцов античности, Возрождения, классического и русского зодчества. В 1909 году Петербургская академия художеств, где Жолтовский получал образование, присваивает молодому мастеру «за известность на художественном поприще» звание академика архитектуры. В последующие годы он принимает участие в проектировании и сооружении Музея изящных искусств в Москве, строит текстильную фабрику и жилые дома в бывшей Костромской губернии.

Великая Октябрьская социалистическая революция раскрыла перед архитектурой, как и перед всеми искусствами, широчайшие перспективы развития. Жолтовский полностью отдает себя решению новых проблем. «Подлинное искусство может быть только в свободной России», — не раз говорил он. С первых лет революции Жолтовский привлечен к ответственным и крупным работам. Возглавив архитектурную комиссию Моссовета, он приступает к проектированию реконструкции Москвы, получая личные указания В. И. Ленина, проводит реконструкцию здания Большого театра. Одной из значительных работ И. В. Жолтовского по плану «новой Москвы» было строительство первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промысловой выставки 1923 года в Москве. Дом Советов в Махачкале, памятник Шаумяну в Ереване, здание Госбанка в Москве, дом сочинского горсовета и мост в Сочи, проекты Дворца Советов, Института мировой литературы, театра в Таганроге, домов для шахтеров в Донбассе и т. п. — все эти сооружения и проекты выдающегося зодчего вошли в сокровищницу современной архитектуры.

В течение ряда лет он являлся творческим руководителем Московского архитектурного института, и ныне сотни его учеников работают во многих городах страны, продолжая принципы его школы. Жолтовский всегда окружен молодежью, которая, помогая осуществлять его замыслы, учится, совершенствуя свои знания. Под руководством Жолтовского работали широко известные архитекторы: Г. П. Гольц, А. В. Власов, М. П. Парусников, А. К. Буров, М. И. Синявский, М. О. Барщ, Г. А. Захаров, Ю. Н. Шевердяев, М. Ф. Оленев и другие. Многие рабочие-строители получили богатый опыт на постройках Жолтовского, выросли теперь в крупных специалистов, инженеров.

В годы Великой Отечественной войны зодчий работает над вопросами восстановительного строительства сел и городов, создает серию проектов поселкового малоэтажного строительства, разрабатывает типовые проекты сельских домов. Лично им сделанные обмеры крестьянских изб, в которых его восхищают жизненность, целесообразность, живописность, он применяет в строительстве поселков Измайлово, Перово, Железнодорожный, Крюково. Сталинской премией за 1950 год отмечен жилой дом на Калужской улице, построенный по его проекту. Затем по его проектам строятся жилые дома на Смоленской улице, на Ярославском шоссе, для фабрики «Освобожденный труд».

Умение соединить в своих произведениях экономичность с удобством и красотой с особой яркостью проявляется в жилых домах, построенных И. В. Жолтовским. Даже незначительные на первый взгляд детали привлекают его внимание. Так, устанавливая размеры лестничной ступени дома, он заботится о легкости подъема — это оберегает здоровое сердце людям; располагая в доме лифты, зодчий удаляет их от жилых комнат, чтобы шум не мешал живущим; оконные рамы сконструированы им так, что стекла не замерзают даже при самых сильных морозах.

В 1951—1955 годах Жолтовским была выполнена реконструкция здания Московского государственного ипподрома. Решение было смелым: свободное сочетание мощного портика и легкой башни в тонко найденном равновесии при общей асимметричности целого. Легкая железобетонная [illegible] роны спортивного поля декорирована живописью свободного широкого рисунка. Здание это — замечательный пример синтеза архитектуры, скульптуры и живописи. Несмотря на возраст, Жолтовский сам ведет авторский надзор, работает с лепщиками, руководит отделочными работами. Для молодежи, которая наблюдает на деле его непосредственные и точные указания, это всегда предметный, живой, неповторимый урок.

Большое значение придает Жолтовский личной работе архитектора на постройке. «Я считаю, — говорит он, — совершенно необходимым для архитектора самое глубокое знакомство с материалом во всем его качественном богатстве. И не понаслышке или книжным сведениям, а в живом общении со специалистами и мастерами своего дела... Под руководством опытных рабочих он (молодой архитектор) должен изучать кладку фундаментов, каменотесные, плотничьи, столярные, штукатурные и лепные работы».

В настоящее время зодчий работает над проектом гостиницы «Москва» второй очереди, проектирует большой комплекс Третьяковской галереи и выставочное здание для Союза художников, кинотеатр на 2 тысячи 500 мест. Он вновь занят разработкой проекта реконструкции центра Москвы. В основу архитектурного решения положен принцип наибольшего озеленения. «Зелень — не только украшение столицы, но и резервуар свежего воздуха, это — легкие города», — часто напоминает Иван Владиславович. Большое внимание зодчий уделяет колориту города. Удачное применение двухцветной окраски зданий — желтый камень с белой штукатуркой — создает эффект солнечного освещения даже в серый день.

Мастерство зодчего широко сказалось и в сложной задаче — просто и экономично решить проблему строительства панельных домов строительной индустрией. Жолтовский предложил смелый прием: открытые конструктивные швы в местах стыка панелей, без наличников и нащельников, что индустриально легко выполнимо и просто в конструкции.

В своих работах мастер прежде всего стремится к простоте и ясности. Все свое искусство зодчий направляет на то, чтобы добиваться наибольшей выразительности простыми средствами и материалами. И все его постройки оставляют ощущение оптимизма, мажорности.

Всегда и во всех случаях мастера прежде всего интересует принцип, а не только внешние формы: «Если мы глубоко аналитически подойдем к изучению классического наследия, то научимся видеть в нем не просто смену форм, стилей, а законы прекрасного. Классика — это мудрость».

«Мы, — утверждает Жолтовский, — наследники всего лучшего, что создало человечество, призваны продлить линию развития прекрасного искусства архитектуры и создать свою классику, столь же правдивую, реалистическую, народную, но стоящую на высшей ступени, еще более прекрасную...»

Архитекторы
Вс. ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
А. ОВЧИННИКОВ

ВОТ ОНИ, ВИТЯЗИ

С. МОРОЗОВ, Я. РЮМКИН

Удивительно схожи эти два лица, улыбающиеся за стеклами иллюминаторов. В сверкающих красной латунью шлемах, наглухо привинченных к медным манишкам, в тяжелых складках резиновых скафандров, скрадывающих очертания фигур, водолазы выглядят близнецами. С первого взгляда и не подумаешь, что матрос Александр Лукьянец годится в сыновья своему командиру и учителю Александру Афанасьевичу Беликову.

А ведь двадцатилетний Саша совсем недавно впервые опустился на дно голубой, пронизанной солнцем бухты под Севастополем, той бухты, которую Александр Афанасьевич исходил вдоль и поперек за двадцать лет своей моряцкой подводной жизни. Знакомы Беликову и балтийские и тихоокеанские глубины и ледовые моря Севера. Есть у него питомцы и на Ангаре и на Волге. Всюду, где поднимают затонувшие корабли, всюду, где строят причалы, дамбы, плотины гидростанций, трудятся выпускники школы водолазов.

Знаменитая школа... Если вы читали «Листригоны» Куприна, то, наверное, вам запала в память романтическая история «Принца» — английского корабля, погибшего под Балаклавой при осаде Севастополя. Даже полвека спустя приезжали в Балаклаву итальянские водолазы, пытаясь проникнуть в пучину к трюмам «Принца», будто бы груженным золотом.

Легенда о золоте на дне моря дожила до нашего, советского времени, пока ее не развеяла ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения. Эпроновцы, вооруженные новейшей техникой, нырнули так глубоко, как прежде никто не нырял, и воочию увидели то, что рождало фантастические догадки. Они извлекли из подводного мрака к солнцу жалкие останки принцева имущества: ржавые цепи и якоря. Золота не было и в помине. Но опыт работы на больших глубинах, приобретенный ЭПРОНом, оказался драгоценнее мифического клада.

С той поры, за тридцать с лишним лет, советские водолазы вернули родине сотни плененных морем кораблей, а школа под Севастополем воспитала не одно поколение подводных мастеров.

Только абсолютным здоровякам с тугими, упругими, как пружины, мускулами и просторными, словно кузнечные меха, легкими впору эти богатырские доспехи.

Четверо матросов растягивают резиновую рубаху скафандра, пока пятый — их товарищ — влезает, вернее, втискивается, в него. Один только «головной убор», похожий на купол миниатюрной обсерватории, весит ни много, ни мало — пуд! А галоши на свинцовой подошве, а тяжеленные металлические грузы, которые, словно вериги, навешивают водолазу на грудь и спину!..

Но вот подана команда идти в воду, и сразу привольно, легко становится человеку. С каждым шагом вниз по ступенькам трапа, опущенного с борта, водолаз будто теряет в весе...

Для людей, которые смотрят с берега, тело водолаза сначала проглядывает из-под воды расплывчатым пятном, а потом и вовсе исчезает в волнах.

Плотная толща воды рассеивает, дробит далекий солнечный свет. В синеватом сумраке тающими облачками колышутся прозрачные белесые медузы. Близкими, совсем ручными кажутся рыбы. Видно, вторжение сверху не очень-то обеспокоило холоднокровных подданных Нептуна.

ЧЕРНОМОРА!

Но вот рядом появился инструктор Алексей Моисеевич Шевченко — «крестный отец» водолаза-новичка на первом спуске. Стажем подводного жительства (более двух тысяч часов) он, пожалуй, богаче самого Садко.

Строго приглядывается инструктор к каждому движению новичка: как травишь воздух головным клапаном, как держишь давление в скафандре. А то чуть зазеваешься, и сразу мячиком выбросит тебя вверх. Как дышишь, как начинаешь ходить... Двигаться под водой надо осторожно, бочком, чтобы не уставать, не выдыхаться сразу.

Погуляв с полчасика, привыкнув к неровному каменистому дну, можно начинать учиться сигналам. Дернут сверху трос, потрясут — вправо идти, два раза дернут — поворачивай влево. Спросят, как чувствуешь себя — отвечать надо не только голосом по телефону, но и обязательно сигналом. Если неисправным окажется телефон, то пеньковый трос всегда моряка выручит.

Спуск за спуском, урок за уроком, и, глядишь, трудится молодой водолаз на дне, как ремесленник в цехе: то, размахивая кувалдой, рубит металл, то пилит стальной лист ножовкой, то отверстие в нем «простреливает» дыропробивным пистолетом.

Потом Алексея Моисеевича сменит на занятиях его однофамилец — Григорий Сергеевич Шевченко, инструктор подводной электросварки.

Точно так же, как воздух по шлангу, устремляется вниз, в воду, ток по кабелю. Распугивая рыб, вспыхивает голубое пламя дуги, и электрод, двигаясь по металлу, оставляет за собой сверкающий прочный шов.

С довольной отеческой усмешкой поглядывает на молодежь третий Шевченко — Иван Петрович, начальник учебного полигона. Быстро привыкают парни к подводному житью-бытью. Недавно к трапу подходили с робостью. А нынче вроде по колено стала им глубокая бухта. Надо — под корму нырнут, ловко трос на винте распутают. Надо — пластырь к пробоине подведут. Или под затонувшим корпусом прокопают глубокий тоннель, протащат туда стропы, чтобы поднять судно на поверхность.

Потребуется — могут и целый подводный поход совершить, облазить все дальние уголки бухты. Наденут легководолазные костюмы с кислородными приборами — и пошли. Тут уж без какой бы то ни было связи с поверхностью: каждый сам по себе, точно корабль в автономном плавании, точно воин в разведке.

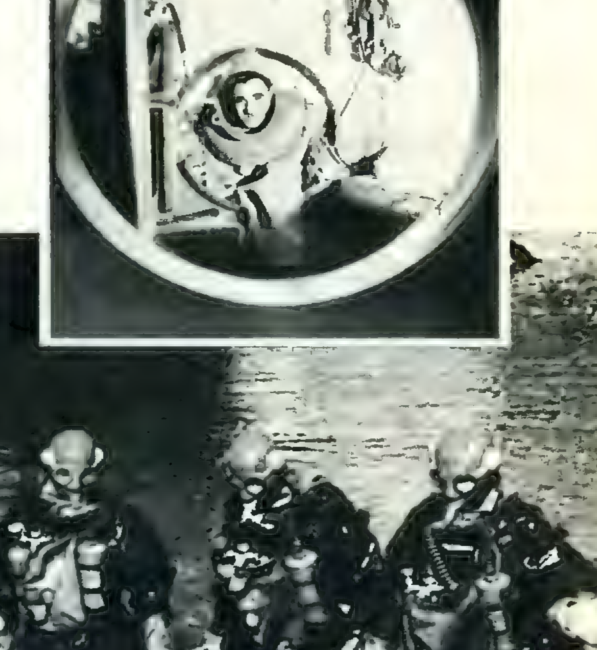
Но вот задание выполнено, и строем шагают водолазы к берегу. Чем не богатыри, чем не витязи Черномора!

Как у летчиков высота, так у водолазов глубина служит мерилом мастерства, закалки, выдержки. Долго и тщательно тренируют глубоководников. У тех, кто работает на глубинах в десятки, а то и в сотню с лишним метров, организм всегда напряжен до предела. Если сразу, резко поднять человека с таких глубин, он не выдержит — умрет.

Георгий Иванович Миронов — мастер-глубоководник — не сетует на медлительность товарищей, когда они иной раз часами, со множеством остановок и выдержек, поднимают его со дна. А наверху, едва вступив на борт, Миронов сразу же идет в рекомпрессионную камеру.

Не очень-то весело вылеживать на койке в этой наглухо закупоренной железной банке, пока в ней искусственно понижается давление воздуха. Но Георгий Иванович умеет отдыхать и здесь.

Завтра с новыми силами — на новую глубину!

СТАРЕЙШИЙ ЛИТОВСКИЙ ПОЭТ

Жизненный путь Каролиса Рачкаускаса-Вайраса своей сложностью и порой противоречивостью характерен для старшего поколения литовской интеллигенции. Родился он 16 ноября 1882 года в деревне Шяудине, недалеко от Шяуляя. Нелегко ему было получить образование — только страстная тяга к знаниям и недюжинные способности помогли Рачкаускасу окончить гимназию. А затем по настоянию родителей он поступил в Каунасскую духовную семинарию. Но католического священника из него не получилось, он ушел из семинарии убежденным атеистом.

В период революции 1905 года поэт выступил со стихами «Песня свободы», «Песнь рабочего», «Голодающие», «Песнь о кузнице». «В бой, товарищи, в грозный решительный бой!» — призывал Вайрас.

Уже недалеко то время,
когда
Рассвет возвестит огневая
звезда,
И гнет и насилье сломив,
миллионы
Владыками станут земли
обновленной!

Некоторые стихотворения Вайраса, переложенные на музыку, стали в Литве популярными революционными песнями.

Когда наступил мрачный период «столыпинских галстуков», Рачкаускас-Вайрас, подобно многим своим соотечественникам, искал убежища в Америке и прожил там пятнадцать трудных лет. Он активно работал в прогрессивных литовских изданиях, выпустил на родном языке книжку «Рабочие и их будущее», проникнутую верой в социализм, издал в своих переводах «Политическую экономию» Ю. Мархлевского, особенно много сделал для пропаганды среди литовцев творчества А. М. Горького: в 1909 году перевел и поставил силами драматического кружка литовских рабочих-эмигрантов «На дне», перевел «Мать», «Жизнь ненужного человека» и другие произведения Горького. В 1917 году опубликовал стихотворение «Русской революции», в котором приветствовал Февральскую революцию, но писал о ней как о незавершенной, еще не осуществившей до конца «думы народные».

В 1923 году Рачкаускаса назначили советником литовского посольства в Лондоне. Он прослужил там пять лет, а затем стал ходатайствовать о переводе в Москву. В ответ на это его услали консулом в Южную Африку, в далекий и знойный Кейптаун. Оттуда поэт вернулся на родину, окончательно порвав со сметоновским режимом. Рачкаускас целиком отдался литературной, главным образом переводческой, деятельности: переводил на литовский язык произведения Байрона, Лонгфелло, Вольтера, Бальзака, Л. Толстого, Тагора, Драйзера.

Рачкаускас-Вайрас горячо приветствовал вхождение Литвы в Советский Союз. В послевоенные годы поэт избран в Каунасский Совет депутатов трудящихся. Рачкаускас организовал в Каунасе мемориальный музей выдающегося писателя-коммуниста Петраса Цвирки и до настоящего времени работает директором этого музея.

Литовская общественность отметила недавно 75-летие со дня рождения К. Рачкаускаса-Вайраса. К юбилею выпущены избранные произведения писателя — стихи, рассказы, очерки, публицистика.

Рачкаускас пишет в автобиографии:

«Не взирая на мой солидный возраст, стараюсь не отстать от советской деятельной жизни, сознавая, что и моя толика может способствовать укреплению великих идей коммунизма в нашей стране».

С. ЕВГЕНОВ.

Студенческие строки

О таких поэтах, как Владимир Кокляев, трудно говорить: он мог бы еще очень много сказать сам «о времени и о себе». Но он трагически погиб: утонул, купаясь в пруду. Товарищи В. Кокляева по Тимирязевской академии не забыли своего друга. Редакция газеты «Тимирязевец» издала несколько лет назад стихи поэта. Сейчас эта книжка вышла в «Советском писателе».

В ней нет стихотворений, которые оставляют кого-либо равнодушным. Поэт-студент писал о дружбе, любви, о весне...

«Вся наша жизнь — весна» — эти слова не случайны для Владимира Кокляева; они определили звучание всей его поэзии, боевой, страстной и такой необходимой сегодня.

Верным путем

Эта небольшая книжка, изданная во Владимире,— простой и скромный рассказ о встречах с талантливыми самоучками, писателями — выходцами из народа. Написал ее один из старейших рабочих-поэтов, восьмидесятилетний Иван Абрамович Назаров, трудолюбивый собиратель материалов о произведениях и судьбах русских крестьян и мастеровых, ставших писателями в условиях царской России.

Нельзя без интереса и восхищения перед могучей творческой энергией русского народа читать о тех, кто пробивал дорогу своим песням, проникнутым верой в торжество правды.

Приятна и волнующа беседа с человеком, который был лично знаком с Матвеем Ожеговым, автором известных любому русскому песен «Потеряла я колечко», «Меж крутых бережков». И. Назаров знавал Прохора Горохова, автора песен «Истерзанный, измученный...» и «Бывало в дни веселые»; знал он и Филиппа Шкулева, создателя замечательной революционной песни «Мы кузнецы»... Интересны воспоминания об отце крупнейшего нашего писателя Леонида Леонова — Максиме Леонове, инициаторе многих изданий писателей-самоучек.

Книжка Ивана Назарова рассказывает о большом и трудном жизненном пути автора, хотя, к сожалению, очень неполно, вскользь. Автор скромно отодвигает рассказ о себе на второй план. А между тем было бы очень интересно подробнее ознакомиться с жизнью рабочего человека, писавшего стихи в короткие минуты отдыха от тяжелого труда, прошедшего до революции через многие рабочие профессии, участника известной тейковской забастовки ткачей в 1895 году, организатора первого периферийного кружка писателей из народа.

«Пусть молодые писатели, выступая на смену старым.., не забывают о тех, кто шел прежде них по тернистой дороге и прокладывал им путь, подготовлял торжество и расцвет нашей родной литературы». Так заканчивается книжка Ивана Назарова.

Есть чему поучиться молодежи у этого рабочего-поэта, как и у многих его друзей и соратников, о которых он рассказывает.

Д. СТАРИКОВ

Иван Назаров. Встречи и письма. Владимирское книжное издательство. 1957. 146 стр.

Жизнь — там, куда идет Советский Союз

В тридцатых годах я редактировал литературно-художественный журнал народов СССР «Советская страна», издававшийся Госиздатом. В одну из своих заграничных поездок А. В. Луначарский передал Ромену Роллану две первые книжки журнала. Вскоре я получил от писателя снимок с автографом и теплое письмо, отрывок из которого мы воспроизводим.

Так началась моя переписка с человеком, чей путь называли «чудом чистой жизни».

В 1935 году, впервые за много лет, писатель покинул свою уютную маленькую виллу в Швейцарии, чтобы отправиться в СССР — страну, где претворяется в жизнь многое из того, о чем он мечтал еще в ранней юности. Подъезжая к Москве, Ромен Роллан писал:

«Вот уже много лет, как мне хотелось приехать к вам. Есть старая итальянская поговорка: «Увидеть Неаполь — и умереть». Я же говорю: «Увидеть Москву — и снова возродиться. Почерпнуть у вас новую энергию, чтобы действовать».

23 июня в 12 часов дня мы встречали экспресс с западной границы. Взволнованное море людей у привокзальной площади приветствовало знаменитого писателя, и сам он был заметно взволнован этой встречей. Московский ветер шевелил мягкие складки его серого плаща внакидку, с откинутым капюшоном. На тонком, вдохновенном лице аскета под нависшими седыми бровями светились ясные голубые глаза, глаза человека, чья благородная натура не знала компромиссов и сделок с совестью. С Роменом Ролланом была его жена Мария Павловна. Этим же поездом приехал и Марсель Кашен.

Несколько дней спустя мы встретились в ВОКСе на приеме, который был устроен в честь Р. Роллана. Его усталое, почти прозрачное лицо мгновенно преображалось, когда он делился впечатлениями последних дней:

— Я с восхищением смотрел «Бахчисарайский фонтан» и вашу прелестную Галину Уланову.

Он говорил о том впечатлении, какое произвел на него кинофильм «Чапаев»:

— Ветер революции далеко разносит свои семена. Недалеко то время, когда человеческий океан смоет навсегда капиталистические устои и ключом забьют живительные родники новой культуры. За границей еще пишут много глупостей о вашей великой стране. Многие не любят всматриваться в действительность, но тогда и не надо рассуждать о ней. История учит нас, что то государство велико, где велик в нем малый человек. СССР — страна духовного здоровья, страна, где все расцветает: искусство и люди.

С. БУРДЯНСКИЙ

ИЗ ПИСЬМА Р. РОЛЛАНА

...Меня восхищает не только грандиозность социалистического строительства в Советском Союзе, но и те источники новой жизни, которые бьют ключом из всех отраслей деятельности, в особенности в области духовной.

Ах, как я несчастлив, что не родился одним из вас!

Руки чешутся у меня, когда я читаю... о всех тех дерзаниях в поисках форм нового искусства: на народных празднествах, театрах, улицах, площадях, бескрайних пространствах полей и равнин, заселенных разноплеменными народами, где все — оптика, акустика, слово, жест, дух сценического искусства должны быть объединены и заново созданы.

Чего бы я не дал в пору моей юности, чтобы иметь возможность работать на этом живом, горячем поприще!

И почти все, что удавалось мне претворять в жизнь, шло против моей среды, против духа времени...

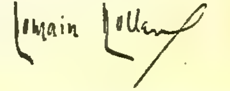
Я растратил три четверти моей энергии на то, чтобы жить, мыслить, творить против них...

Но все равно! Другие творят, и в СССР они добьются осуществления того, о чем я лишь тщетно мечтал, чего напрасно желал на Западе (и не только лишь в области театра и искусства!)

Я радуюсь вместе с вами, и в моей груди бьется такое же молодое сердце. Оно радостно приветствует новую жизнь.

Жизнь — там, куда идет Советский Союз.

[illegible] dans ce rêve des flambées de ce que j'ai vu, il y a trente ans, et que j'ai dû étouffer dans ma poitrine, faute d'air pour l'alimenter... Car presque tout ce que j'ai réalisé, l'a été contre mon milieu et contre mon temps. J'ai dépensé les trois quarts de mon énergie à vivre, penser, créer contre eux...
Mais il n'importe! D'autres font et feront vivre en U.R.S.S. ce que j'ai en vain rêvé, voulu, en Occident — (et pas seulement sur le terrain du théâtre et de l'art!) — J'en jouis avec eux et par eux [illegible] la vie nouvelle. La vie est là, où va l'U.R.S.S. [illegible]

НА УРАЛМАШЗАВОДЕ имени С. ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Фото Б. Кузьмина и И. Тюфякова.

Знатный фрезеровщик цеха крупных узлов Михаил Иванович Бобырев (слева) со своим подручным Юрием Мокиным. Студент-заочник третьего курса Уральского политехнического института М. И. Бобырев сейчас перешел на работу инженера-нормировщика в том же цехе.

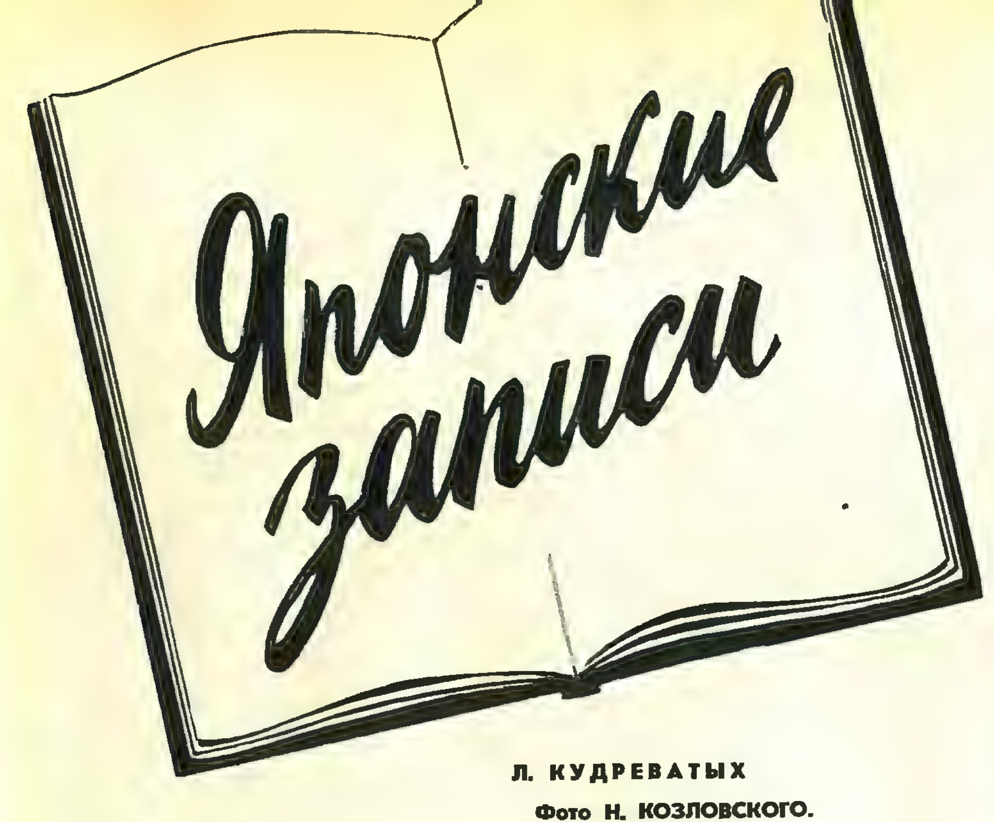
На обороте: В мартеновском цехе.

«Огонек».

Лучший обрубщик цеха металлоконструкций индивидуального производства Хакимулла Исхаков за обработкой корпуса шаровой мельницы.

Л. КУДРЕВАТЫХ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька».

В часы «пик»

Трудно провести четкую грань между дневным и вечерним ритмом жизни столицы Японии. Примерно в четыре часа дня начинаются часы «пик», когда, как в половодье, улицы города во всю их ширь захлестывает поток автомашин, автобусов, трамваев, рикш, пешеходов. В сорок шестом году на перекрестках главных магистралей города стояло по два регулировщика: рослый американец из оккупационной военной полиции, в белой металлической каске, повелительно подававший категорические сигналы для автомашин и пешеходов, и подвижной, бойко повторявший жесты американца японский полицейский. Теперь регулировщиков мало: их заменили светофоры, сигналы которых всеми выполняются беспрекословно. Только на главных магистралях стоят японские полицейские со свистком во рту. В нужный момент щеки полицейского надуваются, и улица оглашается пронзительным, тревожным свистом.

И все же в городе ежедневно происходят автомобильные катастрофы. Борьба с ними ведется весьма своеобразно. В разных районах выставлены сигнальные щиты, на них лаконичные сообщения: «Вчера в Токио произошло 16 автомобильных аварий. Убито одиннадцать человек, семьдесят пять ранено...»

Это служит как бы предупреждением шоферам-лихачам и профилактической дозой внушения для пешеходов.

Задержимся несколько минут на Народной площади, около спокойно плавающих лебедей в канале, огибающем Императорский дворец. Здесь как бы в одном узле переплетаются нити главных магистралей столицы Японии. Посмотрим на безудержный поток оглушительно ревущих автомобилей и лавинами куда-то спешащих людей.

Новейшей марки, с широким, горделиво вознесенным хвостовым оперением американский автомобиль; на заднем сиденье, покуривая сигарету, развалилась тощая, длинношеяя дама из-за океана; в окно, высунув морду, озирает мир овчарка.

В широкополой соломенной шляпе, подавшись всем корпусом вперед, натужно передвигает нагруженную до отказа двухколесную арбу рикша — старик-японец.

Массивные темно-серые или фиолетовые автобусы американской армии везут солдат и матросов.

Трехколесные японские грузовички-труженики, набрав в кузова горы всякой клади, бойко тянут ее двухтактным мотоциклетным мотором.

Ловко лавируя между ревущими и обгоняющими друг друга автомобилями, мчится велосипедист. Подобно цирковому акробату, он одной рукой держится за руль, а на ладони другой, поднятой к плечу, придерживает высокое сооружение из шести, восьми, даже десяти этажей. Это официант ресторана доставляет заказанный кем-то на дом обед из десятка блюд на несколько персон.

Верткие автомобильчики, напоминающие по размерам наши старые «Москвичи», с горящим над кузовом сигналом «такси» ревут оглушительнее всех, лихо обгоняя блестящие приземистые и широкие американские лимузины.

И тут же в этом ревущем потоке автомобилей, ближе к тротуарам, вы увидите двухколесную коляску, прикрепленную к велосипеду: в коляске под балдахином сидит самодовольный, с лоснящимся лицом американец. А на велосипеде, изо всех сил крутя педалями, потный японец-рикша.

Кстати сказать, в Японии много иностранцев со всех концов мира, но, пожалуй, никто, кроме американцев, не пользуется услугами рикш как пассажиры.

Велосипедист-официант.

Заокеанские моды

К шести часам вечера уличное половодье идет на убыль. Сумерки над японскими островами быстро сгущаются и сразу переходят в ночь. Токио, его площади, улицы, переулки и тупики загораются тысячами рекламных огней. Вначале этот истошный крик огней ошеломляет, потом человек начинает теряться: как быть? Его всюду приглашают, ему настойчиво советуют, от него требуют, чтобы он что-то купил, куда-то спешил и что-то делал. Наконец вся эта рекламная разноцветная свистопляска надоедает и отпугивает; она режет глаза, портит зрение. Но от нее никуда не спрячешься. Вдруг ты ловишь себя на мысли: ведь раньше, двенадцать лет назад, не было в Токио этого огневого светопреставления. Да, не было! Переводчик как бы подсказывает:

— Это принесено к нам из-за океана. Мода!

Странные моды пришли с другой стороны Тихого океана в вечерний Токио, в жизнь всей Японии, в ее веками установившийся быт. Одни привились, как тяжелые чужие болезни, а некоторые совершенно несвойственные японскому укладу жизни и характеру людей нововведения вошли в моду, потому что среди самих японцев нашлись предприимчивые люди, которые, угождая вкусу американцев, стали обильно насаждать в своей стране развле-

Рикши везут американцев.

См. «Огонек» № 47.

Живая реклама.

чения, опустошающие карман и душу соотечественника.

В торговом центре города, на Гинзе, в шумном районе Асакуса, в древней столице Киото, в бурлящем портовом рабочем городе Осака под полыхающими огнями реклам, среди цепи магазинов, прерывая ее, вклинились ряды металлических автоматов с рычажками. Десятки, сотни людей стоят у автоматов с бледными лицами и отупелыми от возбуждения глазами. Они бросают металлические шарики в маленькие отверстия, дергая за рычажок, снова бросают шарики и опять нервно хватаются за рычажки. Люди, стоящие у автоматов, как бы сами становятся автоматами, придатком незатейливых, но хитро построенных механизмов, очищающих карманы человека.

Автоматы напоминают вертикально поставленную известную у нас детскую игру «Охотник». В отверстие вы бросаете шарик, нажимаете рычажок, шарик подскакивает и летит по своеобразному лабиринту, сквозь препятствия — колючки, толкающие его

Автоматы-лотереи.

то в одном, то в другом направлении. Если шарик попадет в одну из ловушек, то в детской игре партнер получает определенное количество очков, а в автомате — определенное количество шариков. Но детская игра есть игра, и ловушек в ней много. А автомат — денежная лотерея с минимальным количеством ловушек. В детской игре развивается умение рассчитать силу удара, а металлические автоматы развивают жажду случайной наживы.

Увы, ее-то, этой наживы, и не бывает. Студенты и рабочие за один вечер в подобных «увеселительных заведениях» просаживают свой скромный заработок; домохозяйки по пути в магазин за покупками, пытаясь «проверить судьбу», оставляют свои скудные сбережения, а некоторые состоятельные люди — и большие суммы.

Автоматы расплодились настолько, что превратились в стихийное бедствие, в несчастье. Были случаи, когда люди, прошвырявшие на шариках все свое состояние, кончали жизнь самоубийством. Местные власти Японии вынуждены были принять законы о сокращении количества заразных очагов — автоматов-лотерей. Но автоматы, подобно микробам, все плодятся и плодятся.

«Я убегу отсюда»

Среди многих социальных зол, порожденных бедностью масс, в Японии широкое распространение многие годы имела легальная проституция. В Токио и других городах целые улицы и кварталы сплошь состояли из публичных домов. Под давлением женских организаций, прогрессивных сил и парламента правительство вынуждено было в начале 1957 года официально запретить проституцию. И действительно, ныне нет линии фонариков с приглушенным желтым светом — вывесок публичных домов. Нет и старушек, сидящих у этих заведений и зазывающих клиентов.

Но что это такое? Вас легонько придерживают за рукав. Вы вопросительно смотрите на человека, который неизвестно откуда возник перед вами. Он предлагает полушепотом «развлечение на час». После десяти часов вечера в узеньких улочках, переулках да и на шумных перекрестках к вам пристают уже сами назойливые девушки, одетые в национальные или европейские платья.

— Запретить официальную проституцию легко,— объясняли мне японские друзья.— А как найти работу для сотен тысяч девушек, оказавшихся на улице, не имеющих никакой специальности, не приученных к труду?

В крупных городах Японии модным стало безобидное английское слово «шоу», что значит «зрелище». Крупные рекламные транспаранты подстерегают вас в разных районах города. На них намалеваны полуобнаженные или совсем обнаженные женские тела. Иероглифы кричат: «Смотрите шоу!» Мужчины, причудливо разодетые, порой взобравшись на ходули, несут щиты и зазывают толпу в казино, кабаре или ресторанчики. В качестве основной приманки на рекламе, которую они несут в руках,— надпись: «У нас шоу!»

В киосках продаются многоцветные программы ревю — на каждой странице снова обнаженные и полуобнаженные женщины.

Как-то в одной из бесед с японскими литераторами мы разговорились о дурном, разлагающем влиянии так называемой западной цивилизации на устои японской жизни. Известный прозаик Туцудзо Исакава, недавно побывавший в Советском Союзе, говорил:

— К сожалению, у нас кое-кто падок на дурное. Но я глубоко убежден, что эти «шоу» — дело временное. Но борьбы, широкой, общественной, с таким пороком пока нет. У нас предпринимательство. Хозяйчики зарабатывают на «шоу», зная, что подобные представления нравятся заокеанским гостям. К тому же «шоу» едва ли не единственный вид заработка для многих тысяч женщин.

Покорная улыбка на лице, грусть и усталость в глазах выдают настроение этих семнадцати — восемнадцатилетних «шоу».

— Как вы сюда попали? — спросили мы у одной из девушек, не научившейся притворно улыбаться и не умеющей еще танцевать.

— У меня больны отец и мать, есть еще маленькая сестренка,— поняв наше сочувствие, ответила она.— Я работала секретарем в одной автопрокатной фирме. Мне платили всего десять тысяч иен в месяц. Мы голодали. Подруга сказала, что здесь платят пятнадцать тысяч иен в месяц и можно еще подработать. Но я убегу отсюда...

«Шоу» не нужны японцам. И поэтому появились рестораны с лаконичным надписями: «Только для японцев». Это своеобразный протест против нахальных заокеанских гостей. Говорят, уже создана целая корпорация ресторанов, поддерживающих друг друга, не допускающих в свои заведения иностранцев.

«На дне»

Говорят, голь на выдумки хитра. Это вполне применимо к хозяевам некоторых японских ресторанов.

Если магазины в японских городах почти в каждом доме, то рестораны, кабаре и кафе — через каждые пять — десять домов. Здесь культ ресторанов. Деловые беседы и коммерческие сделки часто устраиваются в ресторанах. Местом званых обедов и свиданий, как правило, служат рестораны.

В центре Токио и других больших городов есть фешенебельные ресторации. Здесь играют два, а то и три оркестра. Непременное условие — «шоу». Здесь прожигают время и пропивают большие деньги американцы и богатые японцы. Есть большие рестораны со специальной кухней: японской, китайской, европейской. В разных районах городов узенькие улицы и улочки сплошь заняты ресторанчиками и кафе с самыми причудливыми названиями. Тут индийские и таиландские, мексиканские и венгерские, арабские и французские, турецкие и русские названия. Наконец, вы встретите ресторан и на две — три персоны. Это обычная палатка, приткнувшаяся к стене домика. Под пологом жаровня, на ней что-то шипит и варится, а рядом с ней столик с двумя — тремя стульями.

Ресторанов, как и магазинов, много, а посетителей мало. Надо чем-то завлечь человека именно к себе, в свой ресторан. Диковинное блюдо? Но не всяк до него охоч. Редкое вино? Но оно дорого и не каждому доступно. И хозяева ресторанов, изучая своеобразную конъюнктуру, дают своим заведениям привлекательные названия. В японском народе популярна советская песня «Катюша» — и в городах появились рестораны «Катюша». Многие японцы, интересующиеся Россией, отождествляют ее с реками Волгой и Невой. Пожалуйста, рестораны «Волга» и «Нева». В Токио есть даже рестораны «Дунайские волны» и «Коззак» (что, видимо, должно означать «казак»).

Но, пожалуй, самой примечательной является история с рестораном «На дне». Произведения Алексея Максимовича Горького весьма популярны в Японии. А пьеса «На дне» неоднократно ставилась на сценах японских театров. Один образованный и находчивый предприниматель открыл ресторан «На дне». Но хозяин решил подкупить посетителей не только названием, а и внутренним убранством своего заведения. Известные японские художники оформили небольшое трехэтажное помещение под трущобу: деревянные грубые столики, березовые чурбаны, кривые, скрипучие лесенки. Стены расписаны словами старинных русских и современных советских песен на русском и японском языках. Мало того. Хозяин выпустил две

книжечки с русскими и советскими песнями, которые вручаются посетителю при входе. Официанты одеты в вышитые косоворотки и в заправленные в сапоги широкие шаровары. Так же одет и баянист, который, путешествуя по этажам, наигрывает мелодии русских песен.

Усилия и затраты хозяина быстро оправдались. В ресторан валом повалила молодежь, особенно студенческая. И теперь узенькая улочка по вечерам оглашается мелодиями русских и советских песен, льющихся из ресторана «На дне». Популярность поющего ресторана быстро распространилась по Токио и по всей стране. Его двойники стали расти, как грибы. Сведущие люди сообщили нам, что сейчас в Японии более трехсот ресторанов «На дне».

Первое место в мире

Игорные автоматы и «шоу» — это язвы, кровоточащие в вечерние часы самого большого города мира — Токио. Язвы, как любая болезнь, искажают и уродуют всякий организм. Но нельзя говорить только о пораженных болезнями частях организма. Токио не только административная и торговая столица Японии, но и центр разнообразной и богатой

В ресторане «На дне».

Президент кинофирмы «Дайэй» Масанти Нагата.

японской культуры. В Токио несколько университетов, много научных институтов, большой национальный музей, в котором собраны сокровища произведений искусства за многие века, библиотеки с экземплярами редчайших памятников национальной и мировой литературы, известный на всех материках театр Кабуки. Наконец, Токио — центр бурно развивающегося кинопроизводства.

Кино здесь любят и охотно посещают. В одном Токио 557 кинотеатров, двери которых для посетителей открываются уже в полдень. В программе, продолжающейся около четырех часов, как правило, две полнометражные художественные картины, кинохроника и реклама. Покупая билет, зритель заходит в зал в любую удобную для него минуту, выбирает свободное место, садится и — неважно, попал ли он к началу или к концу картины,— сидит сколько ему угодно, и уходит тогда, когда хочет. В большие кинозалы подается прохладный воздух и хорошо действует вентиляция; то и дело в разных концах вспыхивают огоньки сигарет.

Почти во всех кинотеатрах программа меняется каждую неделю. Только редкие фильмы удерживаются на экране более семи дней. Причем в десяти кинотеатрах, расположенных рядом, например в районе Асакуса, идут разные картины, в большинстве случаев японского производства, на исторические и современные сюжеты. В отличие от американских автомобильных фирм, заполнивших улицы Токио своими машинами, Голливуд, несмотря на шумную рекламу и поддержку некоторых авторитетных кругов Японии, не смог завоевать решающих позиций в этой стране. И этому есть свои объяснения.

Японское послевоенное кино развивалось как реалистическое искусство. Хотя разлагающее влияние Голливуда разъедало японское киноискусство, оно встретило сопротивление лучшей части режиссеров и актеров, посвящающих свой талант созданию кинопроизведений о жизни и судьбах простого человека Японии. И зритель отдал предпочтение национальному реалистическому киноискусству.

Как и в судостроении, в производстве кинокартин Япония вышла на первое место в мире. Шесть крупнейших коммерческих кинофирм выпускают ежегодно примерно 320 фильмов. Кроме того, имеются небольшие, как их называют, прогрессивные фирмы, которые выпускают в год 150 фильмов. Таким образом, экраны 6 тысяч кинотеатров страны заняты главным образом фильмами отечественного производства. Конечно, демонстрируются и зарубежные картины, и в первую очередь американские, но они слабые конкуренты не только по художественному достоинству, но и потому, что производством и прокатом картин в Японии заняты одни и те же фирмы.

Масаити Нагата, президент популярной кинофирмы «Дайэй», сухопарый, энергичный человек, любезно приняв нас, не без гордости говорил:

— Мы не только полностью насыщаем японские кинотеатры картинами отечественного производства, но смело и успешно вышли на мировой экран. Известно, что девять фильмов, выпущенных только нашей фирмой, на международных фестивалях получили золотые медали и другие премии. Вы спрашиваете, чем объяснить такой размах и такой успех. Мы стараемся создавать картины на высоком художественном и техническом уровне. У нас много талантливых режиссеров и актеров. Сюжетами для кинопроизведений служит богатая история нашего народа и его сложная жизнь сейчас. Техника у нас интернациональная, а темы и их воплощение — национальные.

Масаити Нагата в часовой беседе ни разу не употребил слово «реализм». Но он охотно говорил о добром влиянии итальянского и индийского кино, о лучших произведениях советского экрана. Он называл их достойными соперниками и, объясняя это свое пристрастие, заметил:

— У нас очень родственные приемы и подход к жизненным явлениям. Нам надо больше обмениваться друг с другом произведениями киноискусства. Кинофильмы помогают народам познавать друг друга, изучать быт, нравы, все стороны жизни, мысли и чаяния народа. Кинообмен не должен знать границ.

На следующий день мы осматривали токийскую студию «Дайэй». У фирмы две студии. На студии в Киото ставятся фильмы на исторические темы, в Токио — на современные. В павильонах студии одновременно шла съемка шести фильмов. Бойко и проворно переставлялись декорации, ослепительно горели юпитеры, повелительно разносились приказы режиссера.

В час обеденного перерыва нас познакомили с режиссером Масумура Ясудзо. В синем комбинезоне и темном берете, он обрадованно здоровался с советскими журналистами.

— В вашей стране не был, но фильмы ваши мне очень нравятся.

— Вы давно работаете на студии?

— Совсем мало,— улыбнувшись, ответил Масумура. — Всего четвертый месяц. Я, можно сказать, практикант. Только что закончил образование в Италии.

— «Девушка под голубым небом», фильм, который вы сейчас снимаете, — это ваша первая работа?

— Нет, уже вторая. Первая

На одной из улиц Токио.

на экранах. Оба фильма мне близки и дороги по сюжету — это любовь бедных людей, выдержавшая тяжелые испытания в разных сложных обстоятельствах.

— Сколько же времени затрачиваете вы на производство художественного фильма? — спросили мы Масумура.

Режиссер вместо ответа только пожал плечами. За него ответил сопровождавший нас представитель дирекции студии.

— Сроки жесткие. Фирма должна давать на экран каждую неделю новую картину. Поэтому сроки производства картин у нас предельно жесткие. На постановку большой картины дается три месяца, средней — 50 дней и короткометражной — 24 дня.— Собеседник чеканил слова при общем хмуром молчании. Заметив это, он, как бы объясняя, добавил: — Надо понять: наша кинофирма — предприятие коммерческое. Все построено на точном расчете.

Об этом точном расчете мы услышали и из уст одной из прославленных киноактрис Японии, Матико Кио. Она премьерша студии, снимается уже восемь лет. Ею сыграны десятки ролей в самых различных фильмах. Она с увлечением рассказывала о своей работе и о сотнях писем, которые получает от зрителей со всех концов страны.

— Приятно сознавать, что ты своим скромным талантом доставляешь удовольствие и будишь добрые мысли у зрителей,— говорит Кио.— Моя популярность, не буду скрывать, немалая. Но я завидую советским киноактерам, которые являются подлинно народными артистами. Они вводят зрителя в большой мир идей и чувств. Они имеют возможность глубоко и всесторонне вникать в создаваемый ими образ.

— Разве у вас нет этой возможности?

Кио улыбнулась.

— Возможности? Я снимаюсь за год в семи фильмах. Мне не только не хватает времени изу- исходят события, но просто вжиться в образ. У нас очень, очень большая нагрузка,— с грустью в голосе сказала актриса.

— Госпожа Кио — наше сокровище,— вступил в беседу представитель дирекции.— Мы хотим, чтобы как можно больше зрителей посмотрело это сокровище.

— Если я сокровище, то сокровище надо и беречь,— с улыбкой, но твердо заметила Кио. И, как бы завершая разговор, сказала: — У меня есть большое желание побывать в СССР. По-моему, такое желание есть у всех артистов Японии.

Матико Кио спешила в павильон на съемку. Провожая ее взглядом, представитель дирекции заметил:

— Пожалуй, впервые она была так многословна с журналистами. Кио не любит давать интервью. Ее, видимо, порадовало, что вы из России...

Зашли мы и в актерский класс студии. Двадцать пять юношей и девушек попарно выходили на небольшие подмостки и разыгрывали сцену неожиданной встречи тайно влюбленных друг в друга.

— Как вы набираете слушателей курсов? — поинтересовались мы.

— По обычному конкурсу. Перед очередным набором мы получаем несколько тысяч, иногда до шести тысяч заявлений. Беседуем, просматриваем и двадцать пять — тридцать человек берем в школу. Конечно, с перспективой на самые различные амплуа, нужные студии.

— Сколько лет учится будущий киноактер?

— Почему лет? Всего шесть месяцев! Нельзя допускать, чтобы будущий актер на школьной скамье постарел физически и душой.

И действительно, в павильонах в часы съемок мы видели, как вчерашние курсанты, ожидая выхода на съемку, разыгрывали сцены или сидели на грудах декораций и читали стихи.

— Может быть, среди них есть будущая Кио! — любуясь молодежью, ее энергией и непосредственностью, сказал режиссер Ясудзо Масумура.

В актерской школе киностудии «Дайэй».

ПУТЕШЕСТВИЕ В

Василий ТИТОВ

Может быть, я никогда бы уже и не вспомнил ни анисовки ананасной, ни розовой медунички, ни земляничного яблока, ни других золотых плодов моего детства, может быть, еще долго не посетил бы на родной Тульщине памятных и близких сердцу мест, если бы вдруг этой осенью не получил от старого моего друга Егора Захаровича Рогова с Московского моря вот такого письма.

«С тех пор, — писал он мне, — как фининспектора более не лазят на наш остров и не описывают в крапиве на задворках кусты смородины и малины, решил я разбить у себя за двором такой сад, в который хочу собрать по возможности все те сорта яблонь, какими до недавнего времени знаменита была почти вся наша московская да и твоя тульская земля. Да где там! Вот сколько ни рыщу которую осень по нашим здешним питомникам, а нигде ничего, кроме антоновки обыкновенной, аниса полосатого да грушовки московской, не нашел. И хочу я тебя просить, чтобы ты разузнал этой осенью, где достать яблоньки тех сортов, списочек которых я тебе прилагаю. И тогда я за ними хоть на край света поеду».

Ну что тут будешь делать! Вот забота-то на мою голову! Где я ему про все это разузнаю? А к письму был приложен списочек сортов яблонь этак названий на сорок.

И нехотя стал я читать сортовой списочек Егора Захаровича. «Но, черт возьми! — вскричал я, когда на меня вдруг от Захарычева списочка будто весной пахнуло.— Да ведь это же мне все с детства знакомо!» И забытые запахи, вкусовые ощущения, даже форма и окраска плодов так посыпались на меня с этого добросовестно и мелко исписанного листка, что мне показалось: нахожусь я в давно мною забытых садах под Селенкой на моей Тульщине, в Павлово-Воронцове, и перехожу от одного дерева к другому. Передо мною в калейдоскопическом круговороте закружились, как разноцветные шары на праздничной елке, и старинные, давно не пробованные вкуснейшие сахаровки и медовки, замелькали хорошавки алые и упоительная малиновка. Внятно, как наяву, обонял я великолепный, неповторимый запах антоновки осенней наливной, когда она под самый октябрь сделается вся такой желтой и прозрачной, что даже кажется, вот-вот проглянут семечки сквозь кисло-сладкую с винным, крепким настоем чудесную мякоть ее.

«О, черт возьми,— думал я, с наслаждением перечитывая в который раз Захарычев список,— от этих воспоминаний и «угореть» можно! Да какие же там у них тёпы в питомниках сидят, если суют ему все одну и ту же грушовку московскую, а этих замечательнейших сортов яблонь размножить не могут! Да зато я знаю те места, где растет и зреет медуничка и малиновка. Вот поеду на свою Тульщину, куда давно не заглядывал. Там-то уж не тёпы какие-нибудь сидят, а мастера яблочного букета. Тогда уж и другу помогу».

Сказано — сделано: поехал.

Но прежде чем сесть в поезд, зашел я в Москве к специалистам и утвердился в том, что моя Тула в деле садовом лицом в грязь не ударила. Как ни губила сады война, как ни расправились с ними всеобщие лютые морозы зимы 1939—1940 года, мне сказали, что рост садовых площадей там по отношению к 1945 году равен 48 процентам. А это значило, что на моей Тульщине сейчас тысячи гектаров садов.

Как же я обрадовался, когда сошел рано утром на станции Мордвес! Ну вот они почти рядом, родные пенаты. Сейчас пройду Пряхино, а там будут и Мишины Кусты, и Павлово-Воронцово, и моя Селенка. Довелось видеть мне здесь, как мужики помещичью землю столбили, а потом и коллективное хозяйство завели. Колхоз имени Ленина! Шесть селений: Селенка, Павлово-Воронцово, Ореховка, Долговка, Немерино, Даниловское. Шесть деревень, знакомых от двора до двора. За ними сорок девять с половиной гектаров земли под садами. Об этой цифре и в Москве знают. Первый сад будет в Мишиных Кустах. А может быть, еще и родича моего, деда Сергея, встречу в нем с берданкой у шалаша. Мужчина строгий, припугнуть любит. Недаром первым председателем селенского колхоза был.

Но что же это! Вот будто я уже почти и все Мишины Кусты прошагал, вот и знакомая поляна неоглядная, где сад должен быть, вон справа от тропы уже виднеется, весь в белых свечках, березовый Гуменный корь, впереди зеленый осиновый корь Иванов стоит, а сада все нет.

«Эге! — говорил я себе.— Вот что значит долго не быть в родных местах. На своем дворе заблудишься. Знать, родина забывчивых не любит». И решил я, что сад мишинский я как-нибудь стороной обошел. «Пойду-ка я теперь прямо на Павлово-Воронцово. А там и до Селенки рукой по-

ОТЕЧЕСКИЕ КУЩИ

дать. Там и сады главные высятся».

И скоро я уже входил в них. Входил и опять ничего не понимал. За липами, где должно стоять яблоням и грушам, ровным счетом ничего не было. Хромая спутанная пегая, словно в белых и черных заплатках, старая кобыла щипала траву и прыгала там, где высились когда-то медовки и скрыжапели. И только в стороне, возле шалаша, стояли не ахти какие деревца под плодами.

— Кто здесь ходит? — раздался надтреснутый голос из шалаша. И ко мне навстречу вышел хромой человек в «душегрейке»-ватнике, в кепке с раздвоенным козырьком и со ржавой берданкой за плечами.

— Филя! — вскричал я.— Это я хожу. Не узнаешь, что ли?

Филя, тот самый друг детства, с кем сиживали когда-то за одной партой и с кем когда-то мечтали быть великими садоводами, теперь заспанный, небритый и, как показалось мне, чуть нетрезвый, чихнул в пригоршню, подумал и ответил:

— Нет, как же, должно быть, узнаю.

— Филя, где же сады-то, а?

Филя махнул рукой, поправил на плече берданку и сказал опять задумчиво:

— Нету садов, вымерзли. Ну, пойдем к шалашу.

В шалаше пахло яблоками. Они лежали в углу пыльной грудой, насыпаны навалом под самодельной Филиной кроватью из жердей.

— Не хочешь? — спросил сторож, доставая «косушечку» из соломы в крыше шалаша.— Больше угощать нечем. Не хочешь? Ну, и то ладно.

Он уткнул посудинку опять в солому и сказал:

— Тут не то что инвалид, как я, а и здоровый запьет, ежели его заставить стеречь такой сад. Ну, а тех нету, вымерзли. Давно уже вымерзли. Да ты не бери эту дрянь-то, не кушай,— заволновался он, увидя, как я потянулся к яблочной груде.— Кислятина одна.

— Зачем же посадили кислятину?

— А это «директивные» еще. По приказу сажали. Однако не отхлебнешь ли?

— Нет, Филя, воздержусь.

— И то, воздержись, правильно. Пусть мне побольше останется. Ну, а с садами-то шибает нас, не ладятся. Сады у нас, как прикладное искусство к сельскому хозяйству. Слыхал, есть такое какое-то искусство? Оно зовется, должно быть, так оттого, что его как следует приложить ни к чему не удается. Так вот и у нас с садами. Дело почти как частное. Занимается колхоз садами — хорошо. Не занимается — тоже не беда.

Филя посмотрел на меня с тоской, потом перевел взгляд на яблоньки, заговорил снова:

— Повымерзли, брат. На рака и то мор бывает. Возьмут раки да и вымрут в речке раз в сто лет. Слыхал, наверно, есть у них такая рачья чума? А потом, глядишь, где-то остались, и опять вся речка раков полна.

Я слушал моего старого друга Филю и ничего понять не мог. При чем тут раки, какие тут «директивные» сады? Разъяснил мне многое дед Сергей. Я нашел его на старом колхозном гуменище. Дед сидел на древнем, вросшем в землю молотильном каменном катке, покашливал да внимательно слушал. А рядом стоял мой бывший гроза и «наставник» садовник Макар Евгеньевич Зайцев, перебирал неторопливо пальцами густую седую бороду свою и так говорил третьему, мне незнакомому:

— Бере́-то оно бере́, да вот не дае́. А нам нужно, чтобы дае́. Вот тогда и мы его бере́! Бере́-то тепло любит. А мы на север от тепла живем.

— Да ты искал ли другие-то саженцы?

— Знамо, искал. Там одна бере́. А у нас одна антоновка-каменичка с грушовкой московской. Вот и все.

И хотя было понятно, что речь идет о посадке сада и что неизвестный мне — или агроном или председатель колхоза, понять я опять ничего не мог. И тогда я обратился к деду:

— Что же у вас тут делается с садами?

— С садами-то? — переспросил он.— А ничего! Неразбериха одна. Только и поднимаются, только и растут сады совхозские. Ну, пошли, что ли!

И, перепрыгивая без особых усилий канавки, помогая ловко себе палочкой, дед втолковывал мне:

— Неразбериха у нас с садами. Запустили все. Ты вот вспомни, голова, как до войны-то было в нашем колхозе. Сеяли мы рожь, овес, гречиху, держали коровью да свиную фермы, ладили сады. Хозяйство колесом шло. А потом, после войны, все перевернуло. И в районе и в колхозе руководители, как листья на дереве, менялись. То дадут нам сеять какой-то кок-сагыз и запустят нас на многоотраслевое хозяйство. Потом на травопольную систему переворачивают все...

— Ну и что же?

— Да как что же? Так вот оно время-то и шло. На сады-то и не хватало времени. Была и еще одна загвоздка.

И, вдруг вспомнив что-то, спросил:

— Ты к Филе, часом, голова, не заходил? Про раков он тебе не сказывал? А про «директивные» сады? Ну вот, сказывал. Так вникни в дело. Правильно мужик толкует. Ведь у нас сады-то были старые. Им немного менее лет было, чем мне сейчас. Им и без морозу от старости было на-

Восьмидесятилетняя мироновка и другие старые яблони в яснополянском саду.

Фото автора.

мечено умирать. Мороз-то им только пособил. Ну, а ты учти, голова, люты морозы не боле раза в сто лет бывают. Вот тут и раки к месту. Я толмачил нашим тогда, после войны. «Эти же яблоньки,— говорю,— по восьмидесяти и более годов у нас были. Им вымерзнуть,— говорю,— как умереть». Давайте, мол, свои сеянцы сеять и прививать. Привив по чужим садам соберем. На задворенках у бабушек уцелели и медунички и наливы. «Старье,— говорю,— вымерзло. А где до войны сады сажали,— все целы, и морозы их не взяли. И вот тогда сады наши,— говорю им я,— в многообразии опять пойдут и еще сто лет стоять будут». А на меня наш агроном как цыкнул! Ты што, мол, это говоришь! Это же, мол, «местные сорта» так называемые. Сам, мол, видишь, вымерзли. «Да ведь, — говорю, — старье вымерзло». Никакого резону! И давай сортимент гвоздить. А ты, слышь-ко, голова, — сообщал он мне уже по секрету, — я тогда у нашего агронома в печатный справочник заглянул. Через очки заглянул, не как-нибудь. Есть там такой отдел — да ты не смейся, пра, так и называется — сортимент. И до чего же там все ловко расписано! И когда и кто его только придумал?! Всей России предписано, где какое яблочко растить. Всем по горстке дадено. Для Тулы, например, антоновочка обыкновенная и анис полосатый. Они, мол, уцелели от морозов и не вымерзают. А что понежнее и послаще, то для юга. А в общем и целом получается яблочный букет для всего Союза... Тяжелое для садов время было. А ты думаешь, мы не сажали в эти годы? Сажали. Да какой к этому сортименту у кого интерес? Забрасывали посадки, сохли они у нас.

— Да чего же вы сейчас-то не сажаете? — спрашивал я.— Ведь все плохое уже позади, только и браться за работу.

— Да как браться-то? — искренне удивлялся дед.— Дурное-то все прошло, а сортимент остался. Да ты не смейся. Ты вон даве слышал, как Зайцев председателю: «Бере́-то бере́, да не дае́»? Это он о чем? В Козлов ездил за грушами. Ну и вот, как заходит разговор сажать, мужики — сажать! Как доходит до дела, что сажать,— мужики на попятную. Ты подумай: дело ли, ежели вся Тула будет гнать одну антоновку обыкновенную да анис? Ведь кто эту яблоку у нас брать тогда будет? А ты говоришь!

«Вот комиссия! — думал я.— Надо ездить! А то так ничего не поймешь». И я ездил. Прав оказался дед: лучшие сады были у совхозов. Молодые, уже частью и плодоносящие, они были хорошо ухожены, присмотрены и принадлежали «Росглавконсерву». Их немного было. Хорош был сад в Алтухове под Белевом. Нельзя было похаять Оленьковский сад под Мордвесом, радовал сад в Краснове под Алексином. Но

Расторгуево. В. Ф. Ефимов в питомнике со своей помощницей у саженцев груш.
Фото Ф. Коротковича.

прежнего величия колхозных садов уже не было. Старые сады исчезли, больше было садов на «выросте», меньше—под плодами. Какой-то отпечаток недосмотра, неозабоченности, безразличия лежал на тех садах, которые приходилось встречать. В иных, казалось, никогда не работали ножницы и пила садовника, деревья лезли в сук и плохо плодоносили. В иных деревья были так редки, как зубы в старушечьем рту.

Но, несмотря на все эти огорчения, я продолжал искать все же и то, о чем просил меня друг. Я расспрашивал о сортах яблонь в больших и малых садах и в плодопитомниках, но почти везде получал один и тот же ответ:

— Сорта-то? Да вот: антоновка обыкновенная, антоновка-каменичка, анис полосатый, славянка, грушовка московская.

— Ну, а мироновка, бели, наливы, черное дерево, грушовки веневские?

— Грушовки веневские? А откуда их взять? Нету давным-давно, и в стандарт не входят. Нам полагается разводить только одну грушовку московскую.

Так отвечали мне под Белевом. А под Одоевом и Алексином, едва я начинал спрашивать о знаменитых тульских антоновках наливных, мне говорили:

— Антоновок наших захотели? А не хотите ли антоновку обыкновенную? Везде она одна. А о других не спрашивайте. Не полагается нам других. Стандарт, товарищ, стандарт!

Стандарт! Теперь я уже подозревал, что дед мой был прав, когда бранил какой-то «сортимент». Сейчас он в лике «стандарта» всюду стоял на моем пути.

В Ефремове, знаменитом когда-то своей несравненной боровинкой, в киоске на базарной площади купил я себе самый новейший официальный садовый справочник. Справочник предназначался, как гласило предисловие, для «агрономов, бригадиров-садоводов и председателей колхозов, работающих в пределах Российской Федерации». Вслед за этим, хрустнув приятно корешком, справочник открыл мне девственную страницу. На ней под длинной рубрикой, вещавшей: «Стандартный сортимент плодово-ягодных культур»,— предназначенный для центральных районов нечерноземной полосы, я и прочитал список зимних, осенних и летних сортов яблок. Прочитал и оцепенел. Тринадцати областям земли русской и двум автономным республикам предлагалось разводить всего восемь сортов «зимников». Здесь были анис полосатый, антоновка-каменичка, антоновка обыкновенная, бабушкино, борсдорф-китайка, пепин шафранный, славянка, скрыжапель. Восемь «зимников» на тринадцать областей и две автономные республики! Но и эти рекомендованные сорта оговаривались такими примечаниями, что только два — три сорта из них оказывались вполне надежными. Остальные рекомендовались как «допускаемые сорта, не удовлетворяющие полностью предъявляемым к ним требованиям», а другие рекомендовались лишь «для производственного испытания». Через все области, как палочка-выручалочка, шла все та же антоновка обыкновенная. Даже проверенная «осенянка» — яблонька боровинка, что всеми помологами признается выведенной и взращенной на тульской или на калужской земле, рекомендовалась на своей родине этим официальным пособием как сорт... дополнительный. О летних сортах и говорить нечего. Тут не было ни белей, ни многосортных наливов, тут не было ни аркадов, ни мироновки; как-то чудом удержался только простой белый налив.

«Что это — оскудение плодов земли русской или административная перестраховка?» — спрашивал я себя. Безжалостной рукой «стандартиста» вычеркнут блестящий многовековой труд народных безыменных селекционеров, и даже знаменитую когда-то на всю тульскую землю мироновку теперь в плодовых питомниках не найдешь: морозобоязнь!

Все-таки мироновку я нашел. Да и не одну только мироновку. И где бы вы думали? В Ясной Поляне, в старом, даже, можно сказать, древнем, толстовском саду, где каждому дереву было, пожалуй, уже под девяносто. Иные яблоньки жили чудом совсем на одном узеньком ремешке живой коры, что соединял оголенный ствол с корнями и кроной. Иные были совсем крепки, хоть, видимо, плохо уже плодоносили. И тут на ум приходил один суровый вопрос: кому это вздумалось так административно переделывать веками сложившийся вкус народа, заставлять его сажать то, что ему негоже, и лишать его того, к чему он привык? Зачем это? И откуда эти рассуждения о неморозоустойчивости целых десятков сортов старой русской, проверенной веками яблони? Ведь вот же уцелела эта забракованная стандартом мироновка. Стоит вон и сафьянное, которого нигде уже не встретишь на Тульщине. Стоит вон еще и какой-то «лопух». И морозы их не тронули — только старость берет.

«Но чем же я утешу теперь моего друга с Московского моря?» — размышлял я. И прямо из Тулы я «отбил» ему телеграмму в его карачаровские дали: «Увы Тула подкачала выезжай искать старую помологию Подмосковье бабушкиных задворенках».

С Егором Захаровичем мы встретились в тот же час, как только какой-то дальний южный поезд подкатил меня из Тулы к московскому вокзалу. Встретились с ним на перроне. Он был одет во все непромокаемое, вплоть до резиновых сапог. С первого взгляда можно было понять, что друг мой решился на все.

— Я готов!— воскликнул он мужественно, пожимая мне руку.

Не буду рассказывать о том, как искали мы малиновки и лимоновки на «бабушкиных задворенках» древнего садового москворецкого кольца. Скажу только одно: нашли много. Нашли и скрыжапель пяти сортов и пяти вкусов, нашли и ананасное и земляничное. Нашли даже титовку красную, о которой известный знаток превосходных сортов русских яблонь и признанный помолог М. В. Рытов когда-то писал: «Редкий сорт, который описан Регелем под названием аркада красного и который так тщетно искали в России Грелль и Гибб». Мы не наводили справок, кто были эти Грелль и Гибб, но забытому дереву были несказанно рады.

Но самое чудесное, что мы открыли,— это был сад в Расторгуеве. Собственно, открыла нам его одна бабушка, на задворенках у которой мы нашли земляничное. Вгляделась она в нас и, улыбнувшись, промолвила:

— Вы бы лучше вон к Владимиру Федоровичу заглянули, у него все давно собрано.

— К Владимиру Федоровичу? А кто он такой, Владимир Федорович?

— Это Владимир-то Федорович кто такой? — в сердцах ответила нам бабушка.— Да Ефимов Владимир Федорович — старший агрономом и заведующий коллекционным садом Московской плодоягодной станции. Он же всю Россию пешочком исходил, все к себе собрал.

Мы пошли. Вначале-то шли, а потом и побегать пришлось. Ну, что сказать! Раскрыв рот и не веря глазам, ходили мы вскоре по такому саду, какого ни на одной точке земли тульской никогда сыскать было бы невозможно. Здесь были и тот самый медок, и та самая медовка, и апельсинное было, и кармазинка, и... Да что говорить! На нас будто дождь всех превосходных сортов старой русской яблоньки сразу высыпался. Рядом со «старорусскими» стояли и «иностранцы». Здесь были и чуть ли не все «мичуринцы». А всего в саду было 560 дивных сортов, каждый из которых сделал бы честь любому стандарту. Но более всего удивили нас новые сорта. Когда поздно вечером вернулись из сада, принес Владимир Федорович откуда-то решета с невиданной красоты яблоками и стал в маленькой, тесной комнатке своей квартиры угощать нас, вырезая ножичком дольки из плодов. Угощал и коротко сообщал:

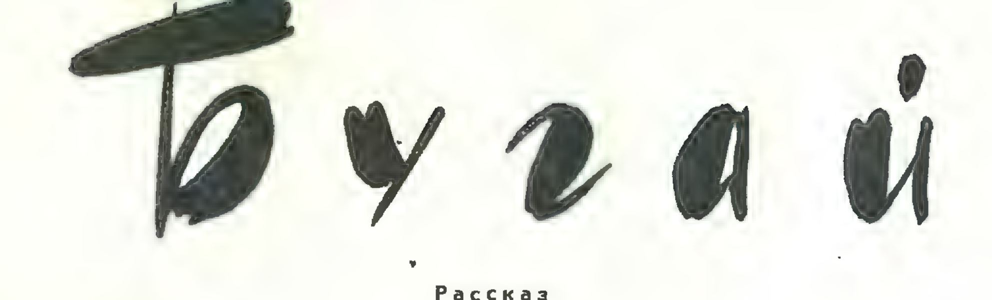
— Это вот новинка Петрова, из Загорья. Как на вкус? Ага, отлично! Это его же — юбилейное. А это слава. Как нравится? Отведайте вот это. Краса сада называется. Выведено недавно в Мичуринске селекционером Горшковым. Как на язык-то? Отлично? А это вот слава Мичуринска зовется. Выведено там же. Попробуйте. Каково? А вот это? Все морозоустойчивые, надежные, проверенные сорта. А ведь каждый сорток вывести стоит тысяч этак под шестьдесят. А мук сколько, тревог, волнений! А покуда только у нас все растет, как на испытании.

С последней ночной электричкой возвращались мы с другом в город от Владимира Федоровича.

«Вот ведь,— размышлял я, сидя понуро в уголку возле тамбура,— одни копят, создают, пестуют, думают о приумножении плодов земных, а другие не замечают того, что создано, побаиваются морозов да создают стандарты. Вот и туляки мои тоже: вместо того, чтобы взять да заложить вот такой же маточный сад, да запустить все это несметное богатство в колхозные сады, сидят мои туляки, да гадают, да одной грушовкой московской пользуются. Чего же они ждут? Может быть, директивы им надобны? Или что?»

Но так я и не мог найти ответа.

Рассказ

Мигель АСТУРИАС,
гватемальский писатель

Рисунки А. ВАСИНА.

Рот деревенел от молчания. Только крепко сжимая челюсти, Бугай ощущал во рту присутствие зубов и онемевшего языка. Черные гневные глаза были прикрыты. От усталости и бессонницы вздрагивали его тяжелые веки. Временами он проводил по лбу тыльной стороной ладони и смотрел вниз: на реку, на мельницу. Будто сквозь густой слой ваты, слушал он неумолчный гул воды, производимый мельничным колесом, и плеск пены, которая серебрилась над почерневшими от времени бревнами. И мерещилось ему самое худшее.

Его жена Кайдуна, ожидая, когда муж заговорит, присела рядом с ним на ступеньках моста. Мост был большой. Летом он казался даже слишком большим для такой маленькой полувысыхающей реки. Зимой же, во времена половодья, под напором могучего потока весь его железный корпус трепетал, напоминая какое-то насекомое, прячущееся в траве и застигнутое ветром. Кайдуна не смотрела на мужа. Он был рядом, и, не глядя на него, она чувствовала все, что с ним творилось. И все же надо было заговорить. Заговорить о том, чего оба не хотели касаться...

Полузакрыв заплаканные глаза, она думала о своих сыновьях Анаклето и Серапито, которые вчера в сумерки ушли в горы, чтобы не попасть в руки солдат, взявшихся бог знает откуда. Того, кто попадался солдатам, они расстреливали, не спросив даже имени. И вот ее муж из-за непомерного упрямства хочет остаться здесь...

Как только рассвело, женщина снова стала уговаривать мужа уйти, и как можно скорее. Она вздыхала, гладила руку мужа, прижималась к нему.

— Уже все готово, — говорила она. — От ранчо остались только стены да крыша. Я все собрала и побросала в корзины.

Ее кротость раздражала Бугая. «Да, — думал он, — у нее совсем другая натура... Другая порода...»

— Ведь ты же отец, у тебя дети, ты не должен так беспечно вести себя.

— Что ты хочешь напророчить, всезнайка?

— Ничего, отец, только сердце подсказало мне, что ты в большой опасности, и самое главное сейчас — это пробраться в горы...

— Не выдумывай! Нет для меня никакой опасности!

— И все же надо идти, слышишь, отец!

Он не ответил ей. Опершись правой рукой о камень, он рывком встал на ноги и, приподнявшись на цыпочки, стал всматриваться вдаль, где до самого горизонта расстилались холмы.

— Ай, какая я глупая! — воскликнула женщина, чтобы переменить тему. — В этой проклятой спешке я забыла про помидоры...

И она побежала к ранчо. Позади дома в глубине двора был разбит огород, а среди грядок посажены молодые фруктовые деревья.

Слезы жгли ей лицо, крупными каплями катились по щекам. Она еще не понимала всего до конца, не знала, что они больше не хозяева того клочка земли, который получили от правительства. Их правительство оказало им милость, как и другим крестьянам, дало землю... А теперь пришли чужие солдаты, чтобы отнять ее по единственному праву — праву сильного.

Но еще страшнее было то, что грозило ее мужу и сыновьям в буре этих событий. И при мысли об этом дикий холод пробежал у нее от затылка ко лбу, будто на нее плеснули ледяной водой. Неожиданно ее осенило: кажется, она поняла, что надо делать.

Непослушными от горя руками она вытащила мачетэ [1], спрятанный ее сыном Анаклето, и направилась к саду, выращенному с таким трудом.

— Прости меня, господи, — говорила она дрожащим голосом, — но для чего мы должны оставлять гринго [2] то, чего он не заслужил! Более справедливо, гораздо более справедливо, чтобы эти апельсины никогда не достались ему! Если бы знали раньше, мы бы все засеяли ядовитыми травами...

Бугай не видел, как она крушила деревья, как падали листья деревьев и слезы его жены. В тот момент он словно окаменел у ступенек моста. И, может быть, он уже мысленно предвидел то, что должно произойти.

[1] Мачетэ (исп.) — нож-секач.

[2] Гринго — презрительная кличка североамериканцев во всех странах Латинской Америки.

— А ядовитая трава лучше всего уродилась бы на этой земле, обильно политой потом бедного люда лишь для того, чтобы толстел хозяйский карман. Столько вытерпели, столько выстрадали... Столько... столько... столько...

И с каждым «столько» мачетэ опускался на стволы деревьев. Некоторые из них валились сразу, некоторые оставались стоять, смертельно раненные.

Казалось, каждое апельсиновое деревцо жаловалось:

«Ведь меня так берегли от заморозков... Как человека, заворачивали в тряпье... А теперь — откуда эти удары злого и острого мачетэ?..»

Кайдуна вдруг засмеялась. Ее ослепительно белые зубы блеснули на смуглом, обгоревшем лице, но улыбка вышла неживой и горькой, — не улыбка, а оскал зубов...

Она все работала и работала, терзаемая безысходной печалью и одиночеством. Впрочем, она не была одинока, сама природа тоже была охвачена огромной щемящей печалью. Солнце стояло высоко. Кайдуна устала от своей разрушительной работы, слезы и пот смешались на ее лице. Слезы редко посещают человека в радости, однако она помнит: когда им давали землю и грамоту на владение ею, она ведь плакала от радости. Именно от радости, от счастья, которое жгло сердце и заставляло ее губы шептать бесконечные благодарности богу, святой деве и святому Матэо за то, что они даровали им эту благословенную, эту родную землю.

А что же Бугай?

Он продолжал оставаться у моста, погруженный в свои, никому неведомые думы.

Солнце начинало жечь все нестерпимее. К стволам деревьев, будто волдыри, прилепились десятки ящериц. Ветви прибрежных деревьев жадно тянулись к берегу, чтобы хоть коснуться, хоть лизнуть влажный песок, смоченный волнами реки.

Вдруг — боже правый! — издали донесся отголосок какого-то страшного грохота. Потом вдруг наступило пугающее, зловещее молчание. Кайдуна выпустила от страха мачете и не успела поднять его, как вновь раздался грохот, прозвучавший на этот раз где-то гораздо ближе. Бегом пустилась она к пустому дому. Что это? Ураган без дождя? Землетрясение на небе?

Вбежав в дом, она высунулась из окошка, чтобы видеть своего Найке, своего Бугая. Найке продолжал оставаться на прежнем месте, неподвижный, прямой. При каждом раскате грома он с трудом, как бы нехотя, стаскивал шляпу и скреб затылок ручкой тесака.

Вода, пена и брызги, равнодушные ко всему происходящему вокруг, продолжали со звоном стекать с лопастей мельничного колеса. Время от времени длинные струящиеся снопы воды мгновенно рассыпались в сотни разноцветных пузырей и сверкающих капель, чтобы тотчас же вслед за толчком колеса снова зашуметь стремительным потоком. А поток вновь превращался в звонкую песню бурлящих, сталкивающихся водяных круговоротов, над которыми носились клочья пены и сверкало множество больших и малых радуг.

Но вот секунда, страшный грохот — и все исчезло. Кайдуна сама видела это из окошка дома. Она растерянно принялась ощупывать глаза, чтобы еще раз убедиться, есть ли они у нее. Глаза, веки, брови... да, будто все на месте...

А там, у моста, все исчезло: мельница, колесо, мост и ее муж. У Кайдуны ослабли ноги, пересохло во рту, горький комок подкатился к горлу. Где же Бугай? От того места, где он только что был, не осталось ровно ничего. Ничего, лишь крутой обрыв к реке, которая уже начала укрывать расходящимися волнами обломки моста.

А высоко-высоко в небе промелькнула огромная тень с крыльями. С рокотом, словно огромное железное животное, пронеслась она над головой.

Обезумевшая от страха и горя Кайдуна выскочила из ранчо. Она прокладывала себе дорогу среди сломанных стволов деревьев, среди нагромождения камней и обломков упавшего моста, не зная, куда же в конце концов направить свои шаги. Затаив дыхание, жадно осматривая каждый клочок земли, она искала, нет ли где хоть какой-нибудь тряпки, чего-нибудь, что могло бы указать ей, куда делся ее муж.

Стемнело. Настала ночь, а она так ничего и не нашла. До боли напрягая глаза, она блуждала по тем же самым местам, где проходила много раз днем. В кромешной тьме ночи громко выкрикивала женщина полное имя своего мужа: «Найке Бугай Куйке!» Из-под ее ног, еле передвигавшихся от усталости, выскальзывали и падали в воронку камни, и звук от их падения казался Кайдуне новым эхом взрыва. «Найке Бугай Куйке!»... «Найке Куйке!»... «Найке Куйке!» — выкрикивала она его настоящее имя, потому что «Бугай» — это была просто кличка, которую, когда он проходил военную службу, ему дали в казарме за силу и добродушие...

...Слезы на ее щеках высохли, как высыхала роса под лучами солнца. А в душе? А в душе поселилась гнетущая пустота. Ничего не осталось... Ни детей Анаклето и Серапито, затерявшихся в горах, ни мужа, ни посевов и посадок. Лишь пустой дом и она.

...И никто не знает, как она прожила это время.

* * *

С гор идут беженцы. Возвращаются мужья, сыновья, братья. Они слабые, уставшие, обросшие, обтрепавшиеся, но они все-таки возвращаются. Только из черной пропасти смерти не возвращаются... Говорить?.. Для чего говорить?.. О чем?..

С гор приходили мужья. Чужие мужья... Теперь подрастают уже внуки. По слухам, это не родные дети ее детей, не настоящие внуки, но что знают люди?!. Это ЕЕ внуки! Почти живые портреты деда.

Да, с гор люди возвратились, только с того света нет возврата. Подумать только, она не смогла найти ни одной тряпки Бугая, ничего, как будто его вовсе никогда и не было на свете.

— Расскажите, няня Кайда.

— Да, было время... Были когда-то и мы богатыми, было такое правительство, которое дало нам землю. Вы слышите? Позвали вашего деда Найке Куйке на Народную площадь, и там под сенью деревьев я сама была с ним. Вижу все это, будто произошло то чудо сегодня. Ваш дедушка был очень сильным и добрым. Таким добрым, о каких рассказывают только в сказках. Так вот, на площади под деревьями было много людей из города. Один из них много говорил. Но говорил не впустую, потому что потом нам вручили грамоту, которая делала нас хозяевами, законными владельцами земли.

— Это как во сне, няня Кайда, — заметила внучка, которая уже ходила в школу. — Это должно быть отмечено в истории. Ведь недаром, бабуся, учитель говорит, что история — это как старая, старая старушка, которая очень много видела на своем веку, а потом рассказывает всем об этом.

— Да, если говорит правду. И она должна будет рассказать, как давали беднякам землю.

— Здесь?

— Да, здесь... Если бы вы видели нас, когда мы вернулись с площади, держа в руках грамоты на владение! Скажу только, что мы три ночи не могли уснуть. От беспокойства у меня даже руки ослабли... Эх! Как дед стал работать! Как засучил он рукава и начал налаживать хозяйство!

— А где находится эта земля?

— Находилась, а не находится... Она стала совсем другой, чужой. Совсем чужой из-за тысяч проклятий, которые на нее упали.

— У вас ее отняли солдаты?

После долгого молчания седая и сморщенная Кайдуна, подрагивая веками и напрягая губы, чтобы лучше произносить слова, снова заговорила:

— Не для себя и не для нас забрали ее, а для того, чтобы отдать ее гринго. Поэтому и бомбы бросили с неба на нас...

— Это было в то время, когда исчез наш дедушка?

— В то время... Мои дети прошли там незадолго до этого. Сейчас в тех местах, куда ни кинь взгляд, лишь топорщатся черевиск[1] да сухие колючки...

Я до сих пор вижу все это так, как видела в тот момент. Вижу, как пролетел самолет гринго и в мгновение ока покончил с мельницей, с мостом, с живым Найке. Крови, живой крови захотели богачи... Нашей крови и вашей, потому что собственная земля для народа — это кровь наша; она в одно и то же время и мудрая мать-кормилица и юная девушка, которая взращивает новую жизнь, когда только появляются у нас дети.

— Зачем у вас забрали землю?

— Гринго хотят, чтобы мы разорились на этих бесплодных землях, а они продолжали бы быть хозяевами нашей бедности, нашего разорения, нашей нищеты.

— Может, это был сон, няня Кайда?

— Да, сон, который погас так же быстро, как гаснет в чистом поле не успевший разгореться костер.

— Но он разгорится снова...

— Не забывайся, девочка.

— Так говорят умные люди, бабушка. Будет пожар, который сожжет все ненавистное народу, потому что в нашем воздухе остались могучие, горячие искры, и они воспламенят сердца смелых людей.

Кайдуна молчала. Лаская лежащую у нее на коленях головку внучки Августины, она шептала ей на ушко:

— И все-то ты повторяешь, словно попугай...

А в голове у нее тоже бродили мысли. Мысли не только о прошлом, но и о будущем. Люди возвращаются из смерти. Пожар, который сожжет все несправедливое и вернет землю законным хозяевам, народу, — этот огонь укажет пути тем, кто, как и ее Найке Куйке, стал жертвой гринго. И тогда среди радости народной о погибших заговорят, как о живых.

Перевела с испанского **Г. ФОМИНА.**

[1] Черевиск — дикорастущее растение со сладкими корнями.

Амрита ПРИТАМ,
индийская поэтесса

СВЕТЛАЯ НОЧЬ

Сегодня утро надежд золотых,
Счастливая ночь упований моих.
Сегодня я — голос моей земли.
Народ мой, вещанью его внемли!
Сегодня празднично-светлая ночь.

Дыханием каждого листа
Сегодня дышат мои уста,
И чувствую я, как соком полно,
Наливается в колосе каждом зерно.
Сегодня празднично-светлая ночь.

Веками сгибала нас тяжесть ярма,
Веками давила нас черная тьма.
Так было, но больше не будет опять,
Никто не посмеет народ угнетать.
Сегодня празднично-светлая ночь.

Не будем мы слезы бессильно лить,
Не будем мы больше просить и молить.
В нужде сам народ себе сможет помочь,
Сумеет он раны свои исцелить.
Сегодня празднично-светлая ночь.

Теперь нас прокормит свободный наш труд.
Пусть месяцы года, сменяясь, текут,
Пусть веет июньской жарой суховей,
Бушуют потоки декабрьских дождей.
Сегодня празднично-светлая ночь.

Вспашу я родимую землю свою,
Рассею семян золотую струю,
И рис будет мой, и пшеница — моя,
И наше все будет, что даст нам земля.
Сегодня празднично-светлая ночь.

Теперь всей землею владеет народ,
В свои закрома урожай соберет.
Побольше вари и пеки, моя дочь,
Пусть каждый вволю и ест и пьет!
Сегодня празднично-светлая ночь.

БХАНГРА

Сегодня день народного счастья,
Надень, жена, золотые запястья!
Дуг-дуги[2] бьет, зовет.
Бхангру[3] пляшет народ.
Сегодня нашей стала земля,
Ее хозяева — ты и я.
Дуг-дуги бьет, зовет.
Бхангру пляшет народ.
Стеною в поле стоит кукуруза,
Наш труд не проклятье теперь, не обуза.
Дуг-дуги бьет, зовет.
Бхангру пляшет народ.
Заблещут наши беленые ткани
Белей и светлей серебристых сверканий.
Дуг-дуги бьет, зовет.
Бхангру пляшет народ.
На поле просторном наша пшеница
Волнуется, спеет и золотится.
Дуг-дуги бьет, зовет.
Бхангру пляшет народ.
Весь год мы сыты будем с тобой,
И сладостен будет наш хлеб трудовой.
Дуг-дуги бьет, зовет.
Бхангру пляшет народ.
Поляжет трава под серпами покорно,
И буйволы наши не будут без корма.
Дуг-дуги бьет, зовет.
Бхангру пляшет народ.
Построим мы каменный дом от ненастья.
Надень, жена, золотые запястья!
Дуг-дуги бьет, зовет.
Бхангру пляшет народ.

Перевел Мих. **ЗЕНКЕВИЧ.**

[2] Ударный музыкальный инструмент.
[3] Пенджабский народный танец.

Н. Терпсихоров. СВОИМИ РУКАМИ.

Картины с выставки «Москва социалистическая в произведениях московских художников»

М. Соколов. ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ.

М. Суздальцев. ПЕРВАЯ ПОЛУЧКА.

Вход в катакомбы в развалинах дома, который сожгли оккупанты. Партизаны переправляют людей в катакомбы.
Рисунок неизвестного художника-партизана.

Это было в Одессе...

И. ИРОШНИКОВА

ПАВЛИК ГАЙДУЧКО И МИША КОНЧЕТТИ

В сорок третьем году партизанскому отряду имени Сталина удалось установить связь с бойцами и офицерами словацкой части, входившей в состав оккупационных войск в Одессе.

В «Истории второй мировой войны», написанной гитлеровским генералом Куртом Типпельскирхом, есть упоминание о словацких частях, воевавших на стороне гитлеровской Германии.

Историк этот, нередко принимающий желаемое за реальное, говорит, что Словакия выставила контингенты, которые «не уступали русским в стойкости».

Что ж, это, пожалуй, верно! На примере стоявшей в Одессе словацкой части видно, что словаки, обратив оружие против своих немецких «союзников», действительно не уступали, например, партизанам в стойкости, мужестве, в силе ненависти к фашистским поработителям.

В исторических материалах партизанского движения Одессы сказано, что к сорок четвертому году на сторону партизан перешло около двухсот словаков — почти весь наличный состав стоявшего в Одессе словацкого гарнизона.

— Свой народ мы кормили, можно сказать, из словацких продовольственных кладовых,— говорил мне Дроздов.— Словаки снабжали нас оружием...

Он рассказывал, что в доме номер четыре по улице Хворостина помещались одновременно радиостанция стоявшей по соседству словацкой части и партизанский штаб.

Еще в тот мой приезд я ходила с Дроздовым и Мефтодовским смотреть этот дом. Новый, хороший, но ничем не примечательный дом на тихой, тенистой улице. В глубине двора особняком стояло небольшое желтое зданьице. В нем располагалась словацкая радиостанция. В самом же доме часть квартир занимали словацкие офицеры, а часть была оставлена прежним жильцам. Так вот, в этот дом, в квартиру подпольщицы Анны Михайловны Николаенко, перевели свой наземный штаб партизаны, когда провалилась дроздовская мастерская.

— Безопасно, по крайней мере,— рассказывал мне Дроздов.— День и ночь у ворот часовой с винтовкой.

— Ну, а словаки? — допытывалась я.— Разве они не подозревали?

Дроздов усмехнулся:

— Со словаками у нас были особые отношения. Чего вам больше: по распоряжению их командира наши люди ежедневно дежурили на радиостанции, слушали сводки Информбюро. Партизанскую же присягу хлопцы из подразделения Кончетти принимали прямо у себя во дворе. Выстроились на учение во главе со своим командиром Мишей Кончетти, поставили автомашины этаким удобным каре, чтобы с улицы незаметно было... Кстати, я могу познакомить вас со словаком Гайдучко Павликом. А Миша Кончетти — тот погиб.

Я познакомилась с Павлом Ивановичем Гайдучко, или, как звали его партизаны, Павликом.

Был он в ту пору подтянутый, спортивного вида паренек лет немногим побольше двадцати. Смуглый, темноволосый, с горячими темными глазами.

Родился Гайдучко неподалеку от города Гумены, в Чехословакии. Отец его был рабочий, коммунист.

В тридцать девятом году, когда гитлеровская Германия, захватив Чехословакию, оккупировала чешские земли, а в Словакии создала марионеточное государство, возглавляемое словацкими фашистами, начался террор против ушедшей в подполье коммунистической партии, начались поголовные аресты коммунистов.

Отец Павлика был схвачен тогда фашистами. Больше родные ничего не знали о нем.

Павлик работал на железной дороге чертежником. В сорок первом году его призвали в армию. Он надеялся попасть на советско-германский фронт. Но эти части формировались со строгим политическим отбором. Действовал список неблагонадежных. Гайдучко Павел, как сын коммуниста, был занесен в этот список и отправке на восток не подлежал.

А Павлик только и жил надеждой на это.

Все произошло неожиданно. Осенью сорок третьего года срочно формировалась и отправлялась в Россию новая словацкая часть. После разгрома немецко-фашистских войск под Курском требовалось восполнить потери.

Список неблагонадежных практически утратил свое значение, и в октябре сорок третьего года Павел Гайдучко прибыл в Одессу. Через несколько дней его назначили начальником караула на джутовой фабрике. Оккупанты спешно вывозили оттуда оборудование. Разыскивая караульное помещение, Павлик в «контролке» за проходной увидел девушку. Она сидела, замерзшая, как сосулька, закутанная в теплый белый платок поверх шапочки, и даже не подняла глаз, когда он вошел.

Это была первая девушка, увиденная им так близко в стране, о которой он так долго мечтал. Но девушка эта принимала его за врага. Павлик решил раскрыться ей тут же, немедленно.

— Не бойтесь,— сказал он на ломаном русском языке. — Я не враг.

Девушка взметнула на него испуганный взгляд. Ладный военный паренек с милой улыбкой на смуглом лице глядел на нее доверчиво и открыто. Но что за странная форма на нем?

— Мы словаки, понимаете? Мы славяне. И я не враг. Я друг. Понимаете?

— Зачем вы так говорите, могут услышать,— шепотом остановила его девушка, покосившись опасливо на фигуру солдата, маячившего с винтовкой у распахнутой двери.

Павлик тотчас же подошел к солдату.

— Иди! — сказал он ему и, подтолкнув в спину, плотно захлопнул дверь.

— Мы чехословаки, — повторил он, вернувшись к девушке.— Мы друзья. Я Павел. А вы?

— Мой брат тоже Павел и вам ровесник,— сказала задумчиво девушка. Ее подкупила доверчивость странного паренька.

— Он в армии, да? — тотчас же спросил Павлик и, заметив, что девушка опустила ресницы, убежденно добавил: — Я тоже буду скоро воевать в Красной Армии. У нашего полководца Свободы.

...Эта девушка — Шура Ефимова. У Ефимовых Павлик познакомился с мужем ее сестры, Василием. Он, конечно, не знал тогда, что Василий Пучков возглавляет группу подпольщиков на джутовой фабрике, что это люди Пучкова под носом у караула растаскивают, прячут, бросают в пруд предназначенное к вывозу оборудование.

Однажды Павлик пришел к Ефимовым попрощаться. Рота их уходила в Николаев.

— Если долго не будет известий,— сказал он, прощаясь, — значит, мне удалось пробраться к Свободе.

Линию фронта двадцать словаков во главе с Гайдучко пытались перейти сперва у Кривого Рога, затем у Никополя. Не удалось. Пришлось возвращаться в Николаев. Роты их в Николаеве уже не было. Она двигалась дальше, а немецкое командование разыскивало пропавших словаков.

— Решили расстаться и скрываться поодиночке. Так легче, да? — рассказывал Павлик. — Остались втроем: я, шофер и механик. Решили идти в Одессу. Там

Окончание. См. «Огонек» №№ 46, 47.

партизаны, можно уйти под землю.

Он пришел к Ефимовым страшный, черный, заросший и без всяких обиняков сказал:

— Меня ищут. Я хочу уйти к партизанам.

Тогда Василий Пучков свел Гайдучко с Дроздовым. Вступая в отряд, Гайдучко дал клятву привлекать словаков на сторону партизан. В форме словацкого майора он дерзко расхаживал по городу, заходил в казармы, где размещались словаки.

— Это, наверное, парашютист, — говорили о нем словаки,— прибыл от генерала Свободы. Это генерал Свобода сказал: уходить к партизанам под землю и бить немцев...

А Миша Кончетти погиб в последнем бою за Одессу. Я видела у Дроздова маленький, бледный снимок его. Совсем молодое лицо с закрученными кверху усами. Гордый поворот головы. Пилотка лихо сдвинута набекрень.

Говорят, что он был отчаянный, этот Миша Кончетти, и как-то, подвыпив в винном подвале, сорвал портрет Гитлера со стены.

В подвале находился партизанский связной Харламов, зять Николаенко. Он и раньше встречал Кончетти во дворе у Анны Михайловны, приметил его. Харламов и связал Кончетти с Дроздовым.

Словаки, завербованные Гайдучко, уходили под землю. Бойцы, которыми командовал Миша Кончетти, несли партизанскую службу на поверхности. На военных машинах с охраняемых ими военных складов они завозили в катакомбы оружие и продовольствие. Под видом арестованных конвоировали партизан, выходивших на боевые операции. А в феврале сорок четвертого года, получив приказ от партизанского штаба, они ушли в катакомбы с полным вооружением и продовольствием, захватив с собой телефоны, катушки проводов, радиоприемники, пишущие машинки!

С первыми партизанскими группами ударили словаки в тыл немцам, когда наши части подступали к Одессе.

Павлович. А девушка сидит в стороне, глаз не поднимает, но чувствуется, что она настороже.

Баркалов мне в открытую говорит:

— Вижу, вы люди рабочие, и я человек рабочий, скрываться перед вами не буду. Прибыли мы с Большой земли.

Отвернулся, достал из своей одежонки доклад Верховного Главнокомандующего о двадцать шестой годовщине Октября и кладет его передо мной, как мандат.

Это меня не убедило. Мы ведь знали, что многие из парашютистов, которых забрасывали в Одессу, попадали в лапы полиции. А гестапо и сигуранца подсылали к нам своих агентов под видом парашютистов, с документами и литературой.

И вот положение такое: хочу верить Баркалову, чувствую — наш человек, но осторожность не позволяет открыться.

Баркалов расспрашивает, есть ли здесь партизаны, подпольщики. Я опять из осторожности отвечаю: нет. Есть, как и всюду, советски настроенные люди. На том и кончаем наш разговор в тот вечер.

Наутро гляжу: Баркалов чуть свет идет ко мне. Тебе, говорит, Степан Ильич, надо встретиться с нашим командиром.

Пошли мы с Баркаловым на Староконный базар. Там явка была. Целый день толклись по базару, не встретили. Три дня ходили по торговым рядам, все «прицenялись». Наконец, на четвертый встретили Авдеева.

Я, конечно, спросил его, как проверить то, что они говорят, установить их личность.

Авдеев ответил прямо, что документов за подписью и печатью предъявить не может.

— Бывает, что и за печатью укрывается враг. Ты лучше смотри хорошенько, какой я есть. Может, поверишь?!

А я ему уже верил. Объяснить не могу, но когда я увидел Авдеева, то сразу же, без колебаний, поверил ему.

...Я старалась представить себе Авдеева. Какой он был?

— Не так, чтоб уж очень видный... — говорили о нем партизаны и показывали его фотографию, добавляя при этом: — Только он совсем не такой.

На фотографии Авдеев похож на Чехова. Впрочем, это скорее схожесть внешних примет. Нарочитая схожесть облика русского интеллигента конца прошлого века, начала нынешнего. Усы. Бородка. Пенсне (очки у Авдеева). Свободно отброшенные назад волосы.

Василий Дмитриевич Авдеев. Снимок сделан в 1941 году.

Ничем как будто не примечательное лицо. Но за очками — это чувствуется даже на фотографии — цепкий взгляд. А усы смягчают четкий и своевольный рисунок рта.

— Чем Авдеев брал человека, я не знаю, — говорил Дроздов. — Но он вызывал доверие.

А Мария Михайловна, жена партизана Харламова, сестра Николаенко, говорила мне, смущаясь своего чувства:

— Знаете, когда Авдеев к нам впервые пришел и заговорил с нами, я почему-то вспомнила Ленина.

Авдеева поместили на квартире у Николаенко, под охрану словаков.

— Ну, нельзя же, друзья, — ознакомившись с положением дел, говорил Авдеев, — чтоб такой боевой и сильный отряд был сосредоточен в одном лишь районе. Наша задача — охватить партизанским влиянием весь город. Подготовить население так, чтобы, когда линия фронта подойдет ближе, изнутри захватить Одессу. Кадры твои, Степан, мы раскидаем по всему городу.

Город был разбит на районы партизанского действия, назначены были командиры, сформированы районные штабы. Головным оставался Ильичевский район.

Авдеев с товарищами метался по городу, инструктируя командиров и комиссаров, выявляя еще неизвестные подпольные группы, объединяя их, координируя действия.

В отчете всех городских подпольных организаций упоминается о встречах с Авдеевым. Говорится, что с прибытием десантников наступил новый этап подпольно-партизанской борьбы.

ПАРАШЮТИСТЫ

— Беда наша в том была,— говорил комиссар отряда Дмитрий Иванович Овчаренко, — что действовать нам приходилось на ощупь, как подсказывали партийная совесть и политическое чутье. А мы могли бы больше помочь фронту, если бы имели связь.

Был Дмитрий Иванович немногословен, нетороплив. Рядом с Дроздовым и Мефтодовским, тогда еще не утратившими накала горячих партизанских деньков, еще не сменившими на пиджаки защитных выцветших гимнастерок, Овчаренко в своем отутюженном сером костюме выглядел очень штатским, мирным и уравновешенным человеком.

Он присутствовал при всех наших встречах и разговорах и хоть сам говорил при этом не много, зато с обстоятельностью историка уточнял события, даты, обстановку.

— Мы уж хотели было послать человека на связь, — рассказывал Дмитрий Иванович. — Линию фронта можно бы перейти, ребята у нас отчаянные. Да сомнение было: поверят ли? Кто на Большой земле мог знать о нашем отряде? И вдруг приходит ко мне Дроздов и говорит, что нас отыскали парашютисты. Рассказывает, как встретился с ними, и спрашивает: доверять?

— А комиссар мне в ответ, — перебивает его Степан Ильич: — Проверять! «Дед» любил осторожничать.

...Парашютный десант под командованием Авдеева сброшен был под Одессой в районе станции Затишье в январе сорок четвертого года.

Десантники знали о разгроме оставленного в Одессе подпольного центра. Знали, что предстояло все находить и организовывать заново.

Снаряжение закопали в лесу у Затишья. Разбились на несколько групп. Авдеев и Рыбин сразу направились в Тирасполь. Там сохранились надежные адреса.

Баркалов с Дорой Мамедовой двинулись к Одессе. Надо было искать пристанище, надежных людей, устанавливать связи.

Вот они идут по талому снегу, по размытым тропкам, с трудом вытаскивая ноги из вязкой глины, — немолодой, изможденный человек в потрепанном ватнике и невысокая девушка в платочке.

Как они выглядят со стороны? Что о них думает этот попавшийся им навстречу мужчина с типично украинским усатым лицом, в добротном штатском пальто и сапогах?

Кто он? Староста? Полицай? Он как будто остановился и смотрит им вслед? Словно от ветра отворачивая лицо, Дора косит глаза в его сторону. Нет! Он, кажется, пережидает ветер.

Баркалов и Дора вышли к джутовой фабрике, осмотрелись. Женщины, старики, подростки рыли противотанковый ров.

Зимний день угасал. Темнело. Баркалов с Дорой затерялись в толпе возвращавшихся в город окопщиков. С моря дул обжигающий, пронзительный ветер. Шел не то дождь, не то снег — слякотная одесская зима. Баркалов ежился, кашлял, задыхался. Женщина, идущая рядом, все приглядывалась к нему, а потом позвала их с Дорой к себе.

— Я здесь рядом живу, — сказала она, указывая рукой куда-то в сумерки. — Печку сейчас затопим. Согреетесь.

— Про десантников так я узнал,— рассказывал мне Дроздов. — Приходит Ванюшка Кирсанов — он из нашей руководящей десятки — и говорит, что Люда Пахомова, жена моего товарища, привела к себе откуда-то пожилого мужчину и девушку. Они говорят, что с Большой земли и желали бы встретиться с людьми, которые работают на пользу Советской власти.

Я спрашиваю Кирсанова, не ловушка ли это, но в душе надеюсь: а вдруг да правда?

Прихожу к Пахомовой, вызвал ее в коридор, расспрашиваю. Она говорит: хочешь верь мне, хочешь не верь, доказать не могу, только наши люди это, Степан!

Захожу я в комнату. Вижу: сидят за столом мужчина, лет так за пятьдесят, и девушка, скуластенькая, молоденькая совсем. Видно, очень утомлены.

Знакомимся. Я называю себя, мужчина себя: Баркалов, Емельян

РЕВОЛЮЦИЯ НЕ БЫВАЕТ БЕЗ ЖЕРТВ

...«Из показаний арестованных,— значилось в донесении тайной полиции губернатору Алексяну, — а также из донесений внутренних агентов становится совершенно ясным, что партизаны хорошо организованы и ожидают прорыва фронта или же приказа со стороны подпольного командования о начале террористических и диверсионных действий...»

Гестапо и сигуранца знали, что в городе действует группа десантников. Усилилась слежка, засылка в подпольные организации провокаторов. Волна репрессий снова захлестнула Одессу.

На квартире у Дроздова был обыск. Степан Ильич дома в ту ночь не ночевал. Это спасло его.

Вскоре схвачен был Овчаренко. Провокатор вызвал его на явку, обещая познакомить с бежавшим из вражеского плена полковником, который якобы располагает спрятанными запасами оружия.

После ареста Овчаренко Дроздов пришел на явку к Авдееву, на тот же Староконный базар, где встретил его когда-то.

— Я обросший был, — говорил Дроздов, — небритый. На явку в своей одежде пришел, а до этого для конспирации ходил в словацкой форме.

Авдеев на меня поглядел, по-

В. Д. Авдеев (Черноморский) в подполье. Снимок сделан в 1944 году.

качал головой и показывает глазами на руку. Вижу, сердится. Почему, говорит, перчатки не носишь, Степан? Тебя гестапо и сигуранца разыскивают, а рука твоя — видная примета.

У нас до этого в сигуранце своих людей не было. А у Авдеева была какая-то связь. Кто у него работал там, я не знаю, но Авдеев предупреждал нас, называл по фамилиям провокаторов.

Я ему сказал, что «Дед» арестован. Он уже знал об этом. Помрачнел.

— Что ж, — говорит, — Степан, революция без жертв не бывает. Мы это знаем с тобой и сами должны быть готовы ко всему. Как чувствовал!..

Степан Ильич., отвернувшись, сворачивает по партизанской привычке самокрутку, закуривает, жадно затягивается дымом и продолжает:

— Я ему предложил тогда: Василий Дмитриевич, мы вам выделим хлопца для личной охраны. Надежный хлопец! Будет следовать за вами повсюду. А он говорит: громоздко и ни к чему. Потом увидел, что я расстроился, похлопал себя по карманам. У него в карманах по маузеру.

— Вот у меня, — говорит, — Степан, два надежных охранника.

Первого марта Авдеев был в катакомбах на заседании штаба. А второго не пришел на назначенные им явки.

Первым забил тревогу Миша Кончетти. Прибежал к Анне Михайловне:

— Где же ваш командир? Я ему выделил машины, чтоб перебросить оружие в катакомбы, а его нет.

Анна Михайловна встревожилась. Это было так не похоже на Авдеева.

Позже у нее в квартире появился Дроздов. Они с Авдеевым условились встретиться на Прохоровке, но Авдеев не пришел к нему.

— Я Авдеева несколько часов тогда ждал, — говорит Степан Ильич. — Когда просто идешь по улице, ничего. Но когда ожидаешь, все кажется, что за тобой следят. Сорок раз я обошел тогда скверик, что на площади. Авдеева нет.

Встречаю Баркалова. Выясняю, что Авдеев и его вызвал на явку. Идем вместе. Авдеева нет. Иду на квартиру к Анне Михайловне. В воротах меня встречает один словак, расстроенный, чуть не плачет.

— Ой, — говорит, — сдается, загинув наш батько Черномор...

Я стою и сдвинуться с места не могу. Верить не хочу этому.

— С чего ты взял?

А словак рассказать мне толком не может. Или, может быть, я не могу его понять. Говорит: окружили, стреляли неподалеку. Было их трое. Двое сразу же убежали, а третий, что в окулярах, отстреливался. Солдаты в него не стреляли, видно, приказано было взять живым. А он последнюю пулю оставил для себя.

...Подробности гибели Авдеева не выяснены. Говорят, что Авдеев в тот день был на явке у человека, которого никто из отряда не знал. Думают, что именно он и предал Авдеева.

— Если бы только Василий Дмитриевич взял с собой охрану тогда! — с отчаянием говорил Дроздов. — Если б я настоял! Вдвоем они бы отбились.

Позже стало известно, что Авдеев не убил, а лишь тяжко ранил себя. В беспамятстве на тачке его привезли в больницу.

Офицер гестапо стоял над дежурным врачом и требовал привести Авдеева в сознание. Хотя бы на несколько часов. Для допроса.

Рассказывают, что Авдеев очнулся лишь на вторые сутки. Осторожно, чтоб не выдать себя, приоткрыл глаза.

Палата. Больничная койка. Лекарства на тумбочке подле койки...

Авдеев незаметно провел рукой по лицу, ощупал забинтованную голову.

За стеклянной дверью маячил кто-то в медицинском халате. Из-под слишком коротких рукавов халата лезли наружу рукава офицерского мундира. Авдеев понял...

Он натянул на голову одеяло, сорвал под одеялом бинты, приподнялся и что было силы ударился раненой головой о железо койки.

Из раны хлынула кровь, заливая лицо. Смерть наступила почти мгновенно.

СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА ПОД ЗЕМЛЕЙ

После гибели Авдеева командование принял Баркалов. Для руководства партизанским движением в городе он назначил тройку. В тройку вошли: Прокопенко, Дроздов и Овчаренко, которому посчастливилось вырваться из сигуранцы.

Рассказывая о последних месяцах оккупации Одессы, Степан Ильич все подчеркивал, что это были «жестокие дни».

Отстранив румынских правителей, власть в городе взяли в свои руки немецкие оккупанты. По заранее обдуманному плану они методично и беспощадно разрушали Одессу. Из секретных документов, захваченных нашей армией, видно, что немецкое командование все собиралось угнать в Германию все трудоспособное население Одессы; остальных — уничтожить.

В начале марта был издан партизанский приказ: принимать в катакомбы жителей города, желающих укрыться от оккупантов.

— Рассказывать просто об этом, — говорит Дроздов, — а вы вдумайтесь: в тех условиях мы должны были этакую массу народа — несколько тысяч человек — не только разместить под землей, но изо дня в день поить, кормить и как-то организовать.

На надежных квартирах были устроены пересыльные пункты. Туда приходили люди с увязанными в узелки вещичками: молодежь, которой грозила фашистская каторга, незарегистрировавшиеся коммунисты, подпольщики — все, за кем охотились гестапо и сигуранца. Ночью под охраной словаков или переодетых в немецкую форму партизан их переправляли под землю.

— Есть вещи, которые навсегда останутся в памяти, — продолжал Дроздов. — Донесла нам разведка, что по дороге на Каролино-Бугас движется военный обоз, за обозом идут под охраной угоняемые на чужбину наши люди.

Напали мы на охрану, освободили наших — и в катакомбы.

Был среди них один старичок. Угоняли его внука, а он все бежал за обозом, не хотел отстать. Солдаты втолкнули его к угоняемым. Пускай, мол! Все равно не дойдет до Германии.

Был старичок этот по виду очень интеллигентный. Похоже, что научный работник или учитель. Пальтишко на нем добротное, очки, бороденка вверх торчит. Идет, еле ноги волочит, оглядывается по сторонам.

А у нас в катакомбах, хоть особого комфорта и не было, — Дроздов лукаво подмигивает Мефтодовскому, — зато весело было. Я считаю, даже уютно.

Помню, дневальные кашу как раз разносили. Люди обедали. А кто пообедал, одежонку чинил или, подобравшись поближе к фонарю, книжку читал. И песни пели. Петь в катакомбах любили. Придут, бывало, хлопцы с поверхности да как грянут «Широка страна моя родная». Отводили душу.

Вижу, останавливается мой старичок, глядит на нас, как будто себе не верит. А на глазах слезы.

— Друзья мои, — говорит, — товарищи! Куда же это я попал? Да это же, — говорит, — Советская республика под землей!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНАЯ АРМИЯ!

Девятого апреля сорок четвертого года партизанская разведка донесла, что к окраинам города приближаются наши части. Девятого апреля в двадцать один час начался открытый партизанский бой.

— Мы давно имели в виду, — говорил Степан Ильич, — что, отступая, фашисты будут держать курс на Тирасполь: там дорога в Румынию — и что путь их пройдет через Ильичевский район.

Заранее, еще при Авдееве, была намечена партизанская линия заграждения. По улицам Михайловской и Степовой по направлению к Одессе-товарной, отрезая бегущему врагу пути отступления, двигались партизаны под командой Дроздова. В том же направлении от Ближних Мельниц шел партизан Струлецкий со своей ротой. Словаки под командованием Кончетти вышли к Дальницкой улице и заняли мост, по которому отступал автотранспорт противника.

Партизаны подбили гранатами первые машины. Те запылали. Автоколонна встала. Поднялась паника. Вся Дальницкая улица была забита пылающими автомобилями.

— Немцы думали, что их окружает Красная Армия, — вспоминал Дроздов. — А это мы взяли их в свое партизанское кольцо.

Бой шел до рассвета. Когда стало светать, партизаны заметили, что из балки осторожно поднимаются какие-то темные фигуры.

Признаться, я подумал: немцы! — говорит Дроздов. — А Кончетти сразу понял: наши! Вылез на крышу, где у нас пулемет стоял, поднялся во весь рост, пилоткой машет, кричит:

— Ура! Да здравствует Красная Армия!

У МУЗЕЙНОГО СТЕНДА

Мирный город, веселый город шумит вокруг нас. Сбегают к морю залитые асфальтом тротуары. Мы с Марией Филипповной входим в здание Исторического музея Одессы.

В залах школьники. Судя по возрасту и пионерским галстукам, третий, четвертый классы.

Смуглый человек с глубоким шрамом на лбу рассказывает ребятам о знамени на Успенском соборе. Указка его скользит по стенду, по фотографиям Винницкой и Дюбакина, задерживается на колокольне собора.

— А теперь посмотрите-ка сюда...

Ветерок движения нарушает строгую музейную тишину. Обритые наголо и остриженные ежиком мальчишечьи головенки и девичьи — с проборами, бантиками, косичками — дружно поворачиваются к экскурсоводу.

Поодаль стоят две девочки-старшеклассницы с комсомольскими значками на белых фартуках — те самые, которых я уже видела в катакомбах. Экскурсовода они не слушают. Тихонько беседуют о своем.

Экскурсовод уводит ребят, а девочки остаются у стенда. Одна из них, приподнявшись на цыпочки, разглядывает фотографию Дюбакина. Лицо у нее такое, будто она пытается что-то понять или решить для себя.

Вторая невозмутимо ждет.

— Конечно, если тебе удалось родиться с задатками героизма в характере... — задумчиво говорит первая.

— А если не удалось? — серьезно спрашивает другая. — Если ты рядовой человек, но обстоятельства заставляют тебя поступать так, как будто ты преисполнен этих самых задатков?!

Я встречаюсь глазами с Марией Филипповной, и она говорит мне, чуть усмехаясь:

— Новое поколение входит в жизнь...

У ЛОЛИТЫ ТОРРЕС

Хуан ХЕЛЬМАН,
аргентинский журналист

С Лолитой Торрес, известной аргентинской певицей и киноактрисой, разумеется, нужно говорить о кино. И о песнях. За чашкой дымящегося кофе мы беседуем с этой молодой актрисой и певицей, девушкой с восточным разрезом глаз и тонкой, грациозной фигурой. Разговор идет о самых разных вещах: о фильмах, о вкусах и, конечно, о биографии и стремлениях самой Лолиты Торрес.

— Что вы думаете, Лолита, о значении кино для распространения культуры?

— Я думаю, что кино — наиболее важное средство проникновения культуры в гущу народа. Поэтому необходимо серьезно заботиться о художественной и моральной ценности кинофильмов.

Затем речь заходит о советском фильме «Сорок первый».

— «Сорок первый», — говорит Лолита Торрес, — на мой взгляд, прекрасный фильм. Все в нем совершенно: и цветная съемка, и режиссура, и в особенности исполнители. Сюжет фильма, такой поэтический, обладает высокими моральными достоинствами. Правда, финал фильма застает зрителя врасплох, но он вполне логичен.

То прерываясь, то возобновляясь, течет наша беседа.

— А что вы думаете о своих картинах?

— Нельзя требовать многого от музыкальных комедий. Из картин, в которых я играла до сих пор, лишь фильм «Возраст любви» содержит в себе моральную глубину. Это можно сказать в какой-то степени и о фильме «Прекрасная ложь», в котором я скорее выступаю как актриса, чем как певица. Достаточно сказать, что я пою в нем только одну испанскую песню, каталонскую, кроме нее, мелодичную «Ave Maria» Шуберта, а также песню в духе исполнявшихся при дворе Людовика XIV, очень романтичную и красивую. Как видите, от испанского репертуара остается совсем немного. Зато в работе над ролью в этом фильме не было и малейшего повторения самой себя. Искать легкий путь в искусстве не по мне. Кроме того, мне всегда больше нравилось выступать в качестве актрисы.

— Как это понять?

— Сейчас я вам расскажу. С начала моей деятельности на подмостках я обычно выступала как певица и танцовщица. Тогда я и не мечтала стать актрисой, меня привлекали лишь песни и танцы. Но мой отец стремился сделать из меня не просто певицу, а актрису, успешно владеющую и актерским искусством и вокальным мастерством. Он полагал, что нужно развивать в себе оба эти качества. Я начала изучать сценическое искусство, не прекращая выступать как певица. В 1946 году я смогла выступить в одной музыкальной комедии в качестве актрисы и певицы. Играть на сцене теперь доставляло мне огромное удовольствие.

— Вы играли в кино раньше?

— Конечно. В 1943 году, в возрасте тринадцати лет, я выступила в маленькой роли в кинофильме «Превратности судьбы». Но мой отец считал — и он был прав, — что я должна еще многому учиться. Лишь в 1950 году я снова пришла в кино, выступив в фильме «В ритме соль и перец». Я сыграла главную роль, то есть «вошла в кино с центрального входа», как и хотел мой отец.

Лолита Торрес разучивает новую песню.

— И потом вы вновь выступили в театре, Лолита?

— Да, это было в комедии «Воришка моей души», где я, конечно, играла и пела. Мне пришлось очень много играть в этом спектакле; я была на сцене в течение всех тридцати его картин. Для того чтобы я успевала переодеваться, понадобилось соорудить на сцене специальную кабину: у меня не было времени спускаться для этого в артистическую комнату. Спектакль прошел хорошо, и это окончательно решило мою судьбу. Во мне с большой силой стала пробуждаться актриса.

— Однако вы все же не пошли работать в театр.

— Это правда. Но фильмы с моим участием стали пользоваться успехом, мне начали предлагать контракты один за другим, и я снималась в фильмах «Слуга девушки», «Жених Лауры», «Возраст любви», «Беднее, чем мышь», а также в других. Я играла уже в десяти кинофильмах. А теперь считаю, что наступило время избрать другой путь — заняться темами более серьезными, чем это можно было требовать от музыкальных комедий. Эти темы должны быть нравственно чистыми, здоровыми, проникнуты оптимизмом, посвящены глубокому изучению души человека, а также — почему бы и нет? — касающимися жизни молодежи. Необязателен так называемый «счастливый конец», но фильм должен пробуждать у зрителя надежду, повышать его жизнерадостность. Именно такие произведения особенно близки мне как актрисе и как женщине. Потому, что я думаю: нужно жить именно так — с надеждой и верой в жизнь, испытывая радость жизни.

— И еще один вопрос. Почему вы поете, Лолита?

Лолита смеется. Разве спрашивают птицу, почему она поет?

— Если я не буду петь, то умру, как это случается с птицами. И еще: я вижу, как на лицах слушающих меня, в своем большинстве испанцев, появляется выражение тоски по своей родине. Грустные лица моих слушателей говорят мне об их большой любви к родным местам, к родной земле, — об этом же говорят мои песни. Мне очень нравится петь. И все же я не профессиональная певица. Я пою, как пела бы любая девушка, которая хочет выразить то, что она ощущает. Я полагаю, что так должно быть с каждым артистом. Конечно, необходимо и учиться и развивать свой талант. Но без этой потребности в пении, без этой «одержимости» нельзя стать артистом.

— Вы, Лолита, конечно, знаете о популярности ваших песен, о вашем актерском успехе в кинофильме «Возраст любви» среди советских людей?

Лолита Торрес. На фото — ее автограф: «Всему советскому народу, столь мне дорогому шлю самые лучшие пожелания».

— Да, я получила много интереснейших писем из Советского Союза, в особенности от молодежи, приглашения выступить с концертами в СССР. И хотя заключенные уже контракты мешают мне пока принять эти приглашения, я испытываю волнение и радость. Я никогда даже и не думала, что мое искусство, мои песни могут дойти до русского народа, который находится так далеко от нас. Волнение тем более велико, что речь идет о народе, который очень талантлив, хорошо понимает и чувствует искусство. Тот факт, что советские люди нашли нечто интересное в моем труде, требует от меня дальнейшего движения вперед, дальнейшей учебы и развития способностей.

— Лолита, мы больше не хотим отнимать у вас время. Но прежде, чем уйти, нам хочется кое-что рассказать вам. Известно ли вам, что один советский мальчик, который живет, как мы узнали, в деревне, направил в редакцию одной советской газеты письмо, в котором говорится приблизительно следующее: «Товарищи, мне 12 лет, я безнадежно влюблен в Лолиту Торрес. Как мне поступить?»

Лолита заразительно смеется.

— Лолита, теперь и мы спрашиваем вас: что бы вы ему ответили?

— В первую очередь, — говорит она, не переставая смеяться, — я бы посоветовала ему быстрее расти, чтобы догнать меня. Мне-то уже 27 лет. Но, кроме того, я уверена в том, что вокруг него нет недостатка в очень хороших русских девушках. Я убеждена: когда он вырастет, то пошлет Лолите Торрес сердечный привет и ничего больше. Потому что он уже найдет к тому времени свою, советскую Лолиту.

Перевод с испанского
Ю. ПЕВЦОВА

«ДИНАМО» — ЧЕМПИОН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Торпедо», «Локомотив», «Спартак», ЦСК МО претендуют на призовые места

М. МЕРЖАНОВ

Фото А. Бочинина.

По краям зеленого футбольного поля — груды снега. Морозит. Вратари ежатся. Темп состязания высокий, ибо холод подстегивает и все игроки постоянно находятся в движении.

В такой обстановке проходил матч между «Локомотивом» и тбилисскими динамовцами. Особенно она была не по душе южанам.

Соревнования Всесоюзного чемпионата затянулись необычайно. Но морозный матч не был последним. Решающая встреча советских и польских футболистов, назначенная на сегодня в Лейпциге, вновь прервала розыгрыш. Он будет закончен только в декабре в Тбилиси.

В нынешнем году календарь изменялся десятки раз по самым различным поводам, иногда не очень убедительным.

Во всех странах матчи национальных чемпионатов строго проводятся по плану. Ему подчинена вся футбольная жизнь. У нас же наоборот — календарь находится под постоянным влиянием разных событий. Достаточно приехать какому-нибудь зарубежному клубу, чтобы приостановить планомерный ход розыгрыша и спутать все карты. В итоге некоторые команды «простаивали» по две — три недели или играли внеплановые, случайные матчи, не способствовавшие повышению класса игры.

Вернемся, однако, к морозному матчу. Несмотря на старания обеих команд, ни один мяч не влетел в сетку ворот.

Еще две пары нулей вписаны в турнирную таблицу, которая и так пестрит нулями и единицами. Результативность матчей явно понижена.

Простой арифметический подсчет показывает, что в нынешнем сезоне наши нападающие забили почти на сто мячей меньше, чем в прошлом году. Что случилось? Почему столь резко снизилась эффективность атак?

На мой взгляд, существуют две причины, одна другую дополняющие. Первая из них заключается в том, что шаблонная тактика нападающих несколько облегчила оборону ворот. Защитники стали легче разгадывать примелькавшиеся уже комбинации и «милых узнавали по походке». Знакомой походкой наши форварды гуляют по полю уже несколько лет.

И, несмотря на это, в нашем футболе усилилась тенденция к защитной тактике — своеобразная инфекция, занесенная к нам зарубежными клубами.

Некоторые наши тренеры, бия себя кулаком в грудь, в сотый раз провозглашали лозунг «Нападение есть лучшая защита» и тут же оттягивали одного, а то и двух форвардов назад, поближе к своим воротам. Так спокойнее.

В последнее время мы все чаще и чаще видим неравную борьбу пяти или шести нападающих с восемью или девятью защитниками — эдакую кадриль на штрафной площадке, где решающим фактором становился «его величество случай». Это вторая причина.

В такой необычной обстановке победителем могла выйти только команда, которая имела хорошо подобранный во всех линиях состав и которая осталась верна принципу советского футбола — атакующему стилю игры.

Этими качествами обладал московский коллектив «Динамо», вот уже много лет руководимый Михаилом Якушиным в содружестве с Всеволодом Блинковым.

Динамовцы провели сезон на редкость ровно, уверенно.

Из 22 матчей 16 они выиграли, 4 свели к ничьей и 2 проиграли.

У чемпиона лучшая в стране защита. Она всегда играет с большим запасом прочности. Ровно половину турнира — 11 соревнований — динамовцы закончили с «сухим» счетом: не пропустив ни одного мяча. В семи случаях они пропустили по одному мячу и в четырех — по два. Больше двух мячей никто динамовцам не забивал. Поистине рекордный итог!

Авторами этого рекорда нужно считать Льва Яшина — сильнейшего сейчас вратаря Европы, его дублера В. Беляева, а также защитников В. Кесарева, К. Крижевского и заметно повысившего класс Б. Кузнецова.

Дело не только в техническом их мастерстве, в скорости и выносливости. Успеху способствовала организованность защиты, правильное ее взаимоотношение с полузащитниками. Недаром динамовскую защиту считают силомером, на котором проверяются возможности атакующих линий.

Полезно играли полузащитники А. Соколов и В. Царев. Они умело подключались к атаке и вовремя отступали к своим воротам.

Во второй половине турнира нападающие «Динамо» играли результативно. Они забили 35 мячей. Однако в их игре нет еще должной слаженности и тонкого взаимопонимания. Из атакующей пятерки можно выделить Г. Федосова и А. Мамыкина — игроков с большим будущим.

Есть венгерская поговорка: «Кто рано встает, тот медали получает». Несомненно, динамовцы встают рано. Они трудятся больше других, им тяжело приходится на тренировках, зато легко в «футбольном бою».

Случилось так, что задолго до окончания турнира определился чемпион страны, а затем и команды, занявшие от шестого места и ниже.

Не определились места 2-е, 3-е, 4-е и 5-е. Их в декабре будут оспаривать «Торпедо», «Локомотив», «Спартак» и Центральный спортивный клуб Министерства обороны. Правда, армейцы уже закончили сезон, и их спор будет происходить не на зеленом поле тбилисского стадиона, а лишь в турнирной таблице, куда они уже вписали 27 итоговых очков.

У «Локомотива» пока 26 очков (и две игры), у «Торпедо» — 25 очков (и три игры), у «Спартака» — 25 очков (и две игры).

Чемпион Советского Союза 1957 года московская футбольная команда «Динамо».

По всей видимости, борьба за призовое место будет острой. Определить победителя этой пульки трудно, к тому же прогноз в футболе — прием запрещенный. Но хочется сказать об успехах команды «Локомотив», которая под руководством известного тренера Бориса Аркадьева, воспитавшего целую плеяду молодых футболистов, добилась больших достижений.

Очень хорошее впечатление оставляет и молодежь «Торпедо», особенно в линии нападения.

Экс-чемпион страны, московский «Спартак», провел сезон неудачно. Чувствовалось, что команда быстро утомляется. Видимо, сказывается возраст ведущих игроков и чрезмерная перегруженность команды. К тому же «Спартак» позволял себе роскошь иногда играть для публики, и почти никогда это не проходило безнаказанно.

Остальные команды провели сезон неровно. Киевляне начали турнир энергично, затем, видимо, не выдержали физического напряжения и заметно сдали позиции. Таково же примерно было и поведение тбилисских спортсменов.

Лишь эпизодическими успехами могут похвастать команды «Буревестник», «Зенит», «Шахтер». Очень слабо выступали коллективы «Крыльев Советов» и минского «Спартака». Порой казалось, что футболисты этих команд не владеют простейшими техническими приемами, которые можно было бы назвать «футбольной азбукой».

В заключение хочется заметить, что оборонительная тактика некоторых наших коллективов уменьшила количество мячей, влетевших в их ворота, но не изменила и не могла изменить непреложного правила, что побеждает только та команда, которая применяет наступательную тактику.

На ледяном поле

Москвичи избалованы высоким мастерством хоккеистов. Достаточно сказать, что в начале года они были свидетелями всех матчей на первенство мира. В розыгрыше этом победителями вышли шведы.

Теперь москвичи вновь увидели хоккеистов Швеции. Но это не были чемпионы мира. Лишь несколько игроков защиты напомнили нам прошлогоднюю команду.

Во Дворце спорта против шведских хоккеистов выступила сборная команда Москвы. Упорная борьба, в которой отличались больше защитники, чем нападающие, принесла победу нашим хоккеистам с минимальным превосходством — 4:3.

Последний матч шведских спортсменов состоялся также против сборной московской команды. Вновь защитные линии, в которых выделялись Н. Сологубов (Москва) и Ларс Бьерн (Швеция), показали интересную, техничную и разнообразную игру.

Матч закончился со счетом 4:0 в пользу москвичей.

Шайба в воротах шведов.

Героическое, эпическое, сатирическое...

Рай.
Фото А. Гладштейна.

Первое представление «Мистерии-Буфф» состоялось 7 ноября 1918 года. Афиша этого спектакля ясно и вполне определенно свидетельствует о намерениях автора пьесы и постановщиков. «Мы, поэты, художники, режиссеры и актеры, празднуем день годовщины Октябрьской революции революционным спектаклем,— гласит она.— Нами будет дана «Мистерия-Буфф» — героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное В. Маяковским».

Успех пьесы был огромным. По свидетельству А. В. Луначарского, она очаровывала рабочую аудиторию. Напор энергии, страстный пафос отрицания рухнувшего мира, гордая уверенность в торжестве тех, кто трудится,— все это придавало «Мистерии» большую силу.

Трудно переоценить значение «Мистерии-Буфф» в истории советской драматургии. Не говоря уже о том, что она была, по существу, первой советской пьесой, ее агитационная сила в годы разрухи, интервенции, гражданской войны являлась особенно нужной и действенной. Сам Маяковский так и рассматривал свою работу как «сегодняшнюю, сиюминутную».

И вот снова октябрьская премьера—теперь уже 1957 года. Но так же аплодирует аудитория любимому поэту, так же велика и действенна сила его слов.

Что же определило бесспорный успех спектакля в Московском театре сатиры? Сама «Мистерия-Буфф»? Да, конечно. Но не одна она. Режиссер Валентин Плучек, художник А. Тышлер, актеры, занятые в постановке, композитор Р. Щедрин, автор Пролога С. Кирсанов — все они делят между собой этот успех.

Режиссер В. Плучек—подлинный энтузиаст драматургии Маяковского. Сначала «Баня», потом «Клоп», теперь «Мистерия-Буфф» — явное тому свидетельство.

Но дело, на наш взгляд, не только в обращении к автору. Дело в глубоком понимании его идей, всегда живых для современников. «Сиюминутность» «Мистерии-Буфф» для режиссера, как и для В. Маяковского,— в активной, непрекращающейся борьбе за свободу, за права, за счастье человека.

Режиссер передал в спектакле не только идеи и мысли автора, но и его стиль. В Театре сатиры действительно идет «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи». Стоит только посмотреть на такую картину, как «Рай»: в пухлых облаках его уютно расположились томные, девые скучающие ангелицы и святые, отнюдь не чуждые земным страстям... А история создания и свержения «демократической» республики! Она разыгрывается, как по нотам: уютно расположившись на корме ковчега, под веселую музыку «чистые» и «нечистые» дружно лузгают семечки. Единение полное, истинный рай до тех пор, пока дело не касается распределения «материальных благ». Тут уж не до декорума — «чистые» едят, «нечистые» смотрят. «Одному бублик, другому — дырка от бублика» — так ведь у Маяковского?

Ковчег.

Спектакль кончается радостным гимном труду и коммуне. К сороковой годовщине нашего государства Театр сатиры показал нам подлинно революционную постановку.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Как я хотел быть вежливым

Владимир ПОЛЯКОВ

Все произошло в воскресенье. Мне нужно было навестить мою тетушку, проживающую в одном из дальних районов Москвы, и я вместился в троллейбус.

Мест свободных было множество, я сел.

Через две остановки троллейбус наполнился людьми, я увидел, что рядом со мной стоит пожилая женщина. Мне показалось неудобным сидеть, когда женщина стоит, и я поднялся со своего места.

— Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо. Сидите, пожалуйста. Я сейчас буду выходить.

Позади меня стояла женщина помоложе, и я обратился к ней:

— Прошу вас, садитесь...

— Что вы? Зачем это? Сидите, пожалуйста, сами. Вы старше меня...

— Да, я, несомненно, старше вас,— сказал я,— но вы женщина, и мне как-то неловко сидеть, когда вы стоите.

— Нет, нет, сидите!

— Да нет уж, знаете!

— Нет, нет, нет...

— Гражданин! Будет вам вертеться! — наскочила на меня пожилая женщина, усердно продвигающаяся по проходу.

Мне неудобно было перед людьми стоять, заграждая дорогу, и в то же время неудобно было сесть, когда многие женщины стояли.

— Вот вы и садитесь, пожалуйста,— сказал я, приветливо улыбнувшись, напиравшей на меня полной женщине.

— Чего вы всех уговариваете! Сидите и не мешайте людям! — прокричала полная женщина и, наступив мне на ногу, решительно стала протискиваться вперед.

Что делать? Ехать мне еще далеко, а сесть — совесть не позволяет: женщины кругом. Надо, чтобы они сели.

— Гражданка, садитесь, пожалуйста,— уже робко сказал я какой-то женщине, стоящей ко мне спиной.

— Что вы пристаете к людям? Не желают они сидеть! Что вы от них хотите? Как все равно банный лист... — вскипел мужчина с чемоданом в руке.

— Делать ему нечего, вот он и скачет, как Ванька-встанька... Игрушка была такая,— заметил сидящий гражданин с большими усами.

— Я не понимаю вашего неудовольствия,— сказал я,— просто я хотел уступить место женщине.

— Понравилась? Ухаживать вздумал? Это не в троллейбусе надо делать. Ты ее в театр пригласи или в кино,— подал реплику гражданин слева.

— Как вам не совестно?! — воскликнул я.— При чем тут ухаживание? Скажите, гражданка, я за вами ухаживал?

— А бог вас знает,— ответила женщина.

— То есть как это «бог знает»?! Вы-то знаете? Видели же!

— Ничего я не видела.

— Нет, вы подождите!..

— Чего это я еще должна ждать?

— Ну, вы же слышали, как я сказал вам «садитесь, пожалуйста»? Это — ухаживание, что ли? И вообще, почему это я вдруг должен за вами ухаживать?

— А что уж! За мной и ухаживать нельзя, что ли? Такая я противная, что ли?

— Я не говорил этого, но...

— Что «но»? Что «но»? Что я, уродина? Или, может, у меня ноги кривые?

— Я вовсе не интересовался вашими ногами. У меня были совершенно другие цели.

— Какие это у вас цели были?! Оскорбить меня хотите, да? Товарищ кондуктор! Здесь хулиган хулиганит.

— Это я хулиган? Вы что, с ума сошли?

— Вот, слышали? Вон он уже женщину сумасшедшей назвал.

— Как вам не стыдно, товарищи?! Я место уступал, сесть предлагал, я — чтобы женщина не стояла...

— А что? Значит, если я женщина, так мне уж и постоять нельзя? Не человек, значит?

— Ну... ну, просто я считал, что надо уступить место, предложить сесть...

— Раз предложил — и хватит. Чего надоедать-то? «Сядь-сядь, сядь-сядь»...

— А что я должен был сделать?

— Тьфу, черт! Гражданин! Сядьте вы наконец или весь день так стоять поперек прохода будете?

— Товарищ пассажир! — вмешалась кондукторша.— Давайте что-либо одно: либо садитесь, либо выходите из вагона. А разговоры прекратите. В троллейбусе все-таки едем, а не в ресторане.

— Правильно!—поддержали пассажиры.— Про женщин что-то выражается, места какие-то занимает, людям сесть не дает. Пусть на первой же остановке вылазит.

Так я и сделал. Вышел и пошел пешком.

Так и не удалось мне быть вежливым. А ведь хотел. Искренне хотел!

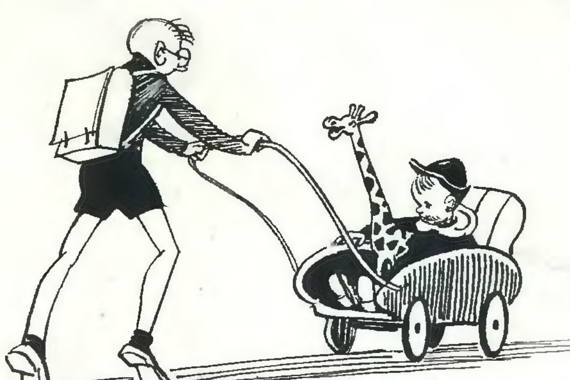
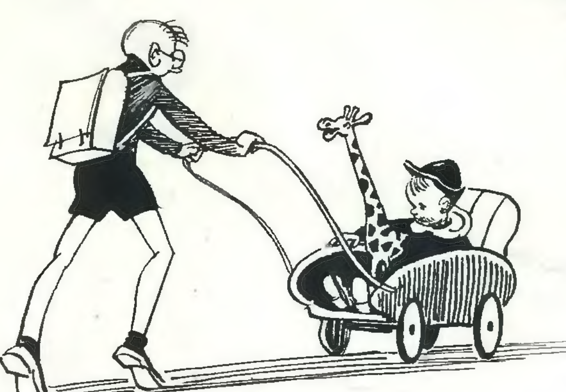
Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫ

Осенью вместе с группой советскнх туристов мы побывали в Германской Демократической Республнке. Все 1 700 километров пути по дорогам гостеприимной страны наши попутчнки не выпускали из рук фотоаппараты. У нас аппарата не было, но зато былн альбом и карандаш. Конечно, состязаться с аппаратом трудно, но некоторые дорожные картинки, зарисовкн из жизни республики и просто забавные сценки нам удалось запечатлеть в своем репортаже.

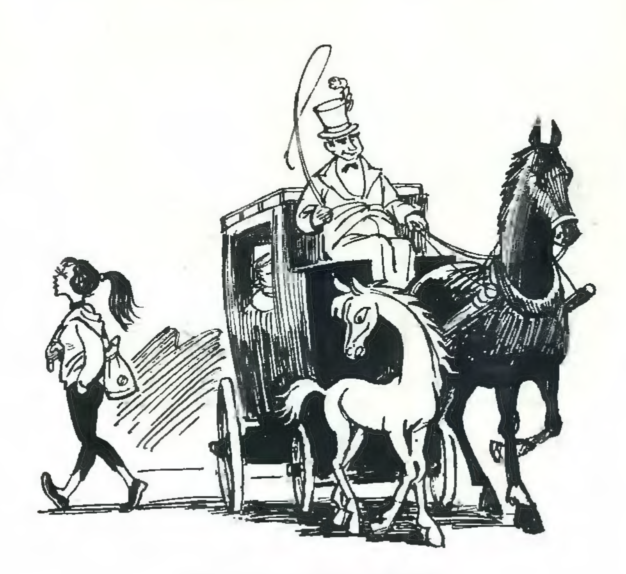

Осада старинного замка туристами.

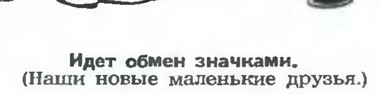

Из школы и детского сада домой.

Поневоле позавидуешь!..
(На дорогах Гарца.)

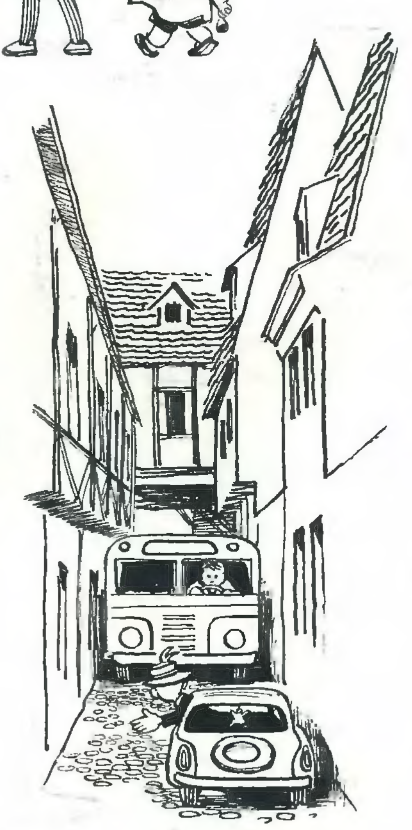

Идет обмен значками.
(Наши новые маленькие друзья.)

Высокнй урожай.
(В коллективном хозяйстве.)

«Держись правой стороны!» →
(В старинном городе Квитленбурге.)

Прнятный сон художннка.
(У дворца Цвингер.)

КОМЕТЫ НАД МОСКВОЙ

«Небо наполнено кометами столь же обильно, как море рыбами», — писал «законодатель неба» Кеплер. Действительно, ловцы комет — астрономы — открывают в иной год больше десятка этих хвостатых путников. Однако яркие кометы, видимые невооруженным глазом, редки. Над Москвой за восемь веков ее существования ярких комет прошло немного. С некоторыми из них связаны любопытные свидетельства.

О комете 1618 года в документах того времени рассказывается, что царь Михаил Федорович и многие придворные перепугались, однако философы предсказывали не гибель государства, а радость и спокойствие. Большая комета 1811 года описана в «Войне и мире». Ее видит Пьер Безухов над Пречистенским, ныне Гоголевским, бульваром после объяснения с Наташей: «Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе». Суеверные же люди связывали с этой кометой и нашествие Наполеона и... необыкновенный урожай винограда на юге Франции. Вино этого урожая даже называли вином Кометы, о нем упоминает Пушкин в первой главе «Евгения Онегина».

Старшему поколению еще памятно приближение яркой кометы Галлея. 19 мая 1910 года Земля прошла через ее хвост. У многих возникало опасение, что атмосфера нашей планеты будет отравлена, однако эти предположения не оправдались. Любопытно, что впервые в русских летописях появление кометы отмечено в 912 году, и это была та же комета Галлея.

Комета Аренда — Ролана.

Фото А. Шрейдера и В. Федынского.

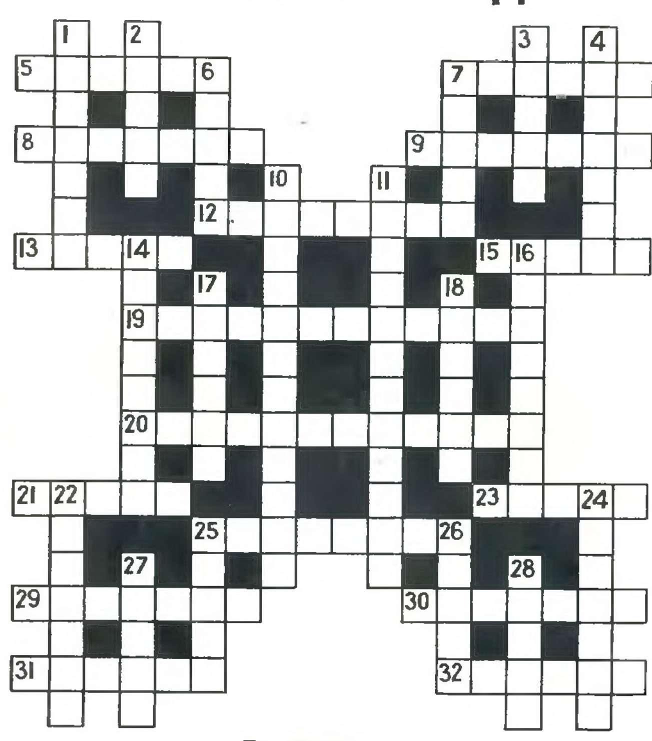
В апреле — мае нынешнего года в московском небе засветилась комета Аренда — Ролана. Она высоко стояла среди звезд, подняв кверху туманный хвост, как полураскрытый кисейный веер. Прежде чем появиться над Москвой, она проделала невообразимо длинный путь и описав среди созвездий огромную петлю. В Государственном астрономическом институте имени Штернберга комету сфотографировали. Выяснилось, что она была двухвостой: один хвост, как и полагается, был сзади, другой — спереди. Об этом явлении председатель Комиссии по кометам и метеорам Астрономического совета Академии наук СССР В. Федынский и инженер А. Шрейдер рассказали нам следующее:

— Как показывают спектроскопические исследования, кроме обычного хвоста из окиси углерода и азота, обнаружено замечательное образование: из ядра кометы вытекала тонкая и длинная, в несколько миллионов километров, струя светящейся материи, направленная прямо к Солнцу. В кометах иногда наблюдались такие аномальные хвосты, как их назвал русский астроном Ф. А. Бредихин, однако ни разу они не достигали столь мощного развития. Бредихин считал, что аномальный хвост представляет собою поток пыли и камешков, извергаемых ядром кометы.

В дни Всемирного фестиваля произошел редкий в астрономии случай: над Москвой засияла еще одна, видимая невооруженным глазом комета. Ее открыл 2 августа чешский астроном А. Мркос.

Б. АЛЕКСЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Роман Ф. Гладкова. 7. Сподвижник и друг Пугачева. 8. Украинский народный танец. 9. Помещение под зимовку пчел. 12. Рейд для якорной стоянки судов. 13. Сооружение на нефтяных промыслах. 15. Дерево семейства маслинных. 19. Изучение, углубляющее познание. 20. Наука о полете в мировом пространстве. 21. Насекомое. 23. Озеро в Восточной Африке. 25. Часть подвижного механизма трактора. 29. Современный французский живописец. 30. Советский пианист и педагог. 31. Персонаж комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». 32. Промысловая рыба.

По вертикали:

1. Литературное произведение в форме записок. 2. Крупный порт в Италии. 3. Хищное животное. 4. Русский художник-пейзажист XIX века. 6. Огородное растение. 7. Обожженная огнеупорная глина. 10. Игрок спортивной команды. 11. Состязание. 14. Твердое тело в форме многогранника. 16. Французский писатель-реалист. 17. Ознакомление, обследование. 18. Литовский пролетарский поэт. 22. Наименьшее значение величины в математике. 24. Провинция в Китае. 25. Название народного певца в Армении. 26. Первая китобойная флотилия в СССР. 27. Старинный город в Азербайджане. 28. Киевский князь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

4. Телегин. 5. Эпиграмма. 8. Лапта. 10. Танец. 15. Отчет. 17. Скарн. 19. Конгур. 20. Ереваи. 21. Антарес. 22. Титовка. 23. Манизер. 24. Контакт. 26. Пинега. 28. «Отелло». 29. Копия. 30. Торос. 32. Фибра. 34. Стенд. 35. Стетоскоп. 36. Боровое.

По вертикали:

1. Негина. 2. Реприза. 3. Висмут. 6. Табор. 7. Гейне. 9. Точка. 11. Аракс. 12. Гигрометр. 13. Президент. 14. Боливия. 16. Титания. 17. Сержант. 18. Капелла. 24. Копёр. 25. Торит. 27. Аксис. 28. Осень. 31. Синолог. 33. Ацетон. 34. Сектор.

«ПРИМЕТЫ ДОЖДЯ»

Это стихотворение написано знаменитым английским врачом Эдвардом Дженнером, предложившим противооспенные прививки. Дженнер страстно любил природу и хорошо знал ее. Знаменитый путешественник Джемс Кук, направляясь во второе кругосветное плавание в 1772 году, звал его с собой в качестве натуралиста. «Приметы дождя», одно из стихотворных сочинений врача, имеет подзаголовок: «Сорок поводов для того, чтобы отказаться от предложения друга совершить совместную прогулку».

1. В ночи сверкнули огоньки —
2. Зажгли лощину светляки.
3. В барометре упала ртуть.
4. Вот ветер начинает дуть.
5. Стал будто ближе дальний лес.
6. Стал будто ниже свод небес.
7. К земле прижаты облака,
8. И режет уши песнь сверчка.
9. Ей вторит резкий крик дрозда.
10. Вода чиста, как никогда.
11. Рыбешка занята игрой,
12. Хватает мушек над водой.
13. Из сети выглянул паук.
14. Меня к дивану тянет вдруг.
15. И пес мой бросил грызть мосол,
16. Махнул хвостом и спать пошел.
17. Послушна ветру пыль дорог,
18. Свилась в крутящийся клубок.
19. На скаты крыш садится дым.
20. Пастух предчувствием томим.
21. Кусают злые мухи скот.
22. Все ниже ласточек полет.
23. Лягушка изменила цвет —
24. На ней коричневый жакет.
25. И жаба выползла в траву.
26. Свинья тревожится в хлеву.
27. Свежо, хотя июньский день.
28. Потрогай — влажен старый пень.
29. Грачи спустились с вышины,
30. Как будто пулей сражены.
31. Вот курослеп глаза закрыл.
32. У старой Бетти нерв заныл.
33. Слегка потрескивает шкаф.
34. Пахнуло сыростью канав.
35. У очага пригрелся кот,
36. Усы пушистой лапой трет.
37. Даль предзакатная бледна.
38. За тучи прячется луна.
39. Да, быть дождю! Пора смириться
40. С тем, что пикник не состоится.

Перевел с английского В. БЕРЛИН.

— Какая смелость!
Изошутка М. Битного.

На вкладках этого номера репродукции картин: Ю. Пименова «Обыкновенное утро», В. Руднева «Покровский бульвар», Р. Галицкого «Москвички на целине. Вечер», Н. Терпсихорова «Своими руками», М. Соколова «Зимним вечером», М. Суздальцева «Первая получка» — и четыре страницы цветных фотографий.

Пышка

Когда нутрия была маленькой, она походила на пушистый шарик. Возможно, поэтому сотрудники Московского биологического музея имени К. А. Тимирязева и прозвали ее Пышкой. Достаточно было назвать это имя, как зверек мгновенно просыпался и, вскочив на задние лапы, нетерпеливо перебирал передними, требуя пищи.

Пышка, как собачонка, бегала за своей воспитательницей. За год она превратилась во взрослую нутрию. Однажды в ее вольер поместили еще одну нутрию. Пышка не проявила к ней особенного интереса, но когда та приблизилась к воспитательнице, Пышка с яростным визгом бросилась на новенькую.

Интересно, что, попав впервые в воду, Пышка очень испугалась. Но инстинкт помог зверю. Теперь вернуть Пышку из бассейна в вольер не так просто. Она с удовольствием плещется в воде, изредка вылезая, чтобы привести в порядок мокрую шерстку. Когда ее зовут, она отвечает добродушным пофыркиванием и ныряет в воду.

С. КАНЦЛЕР

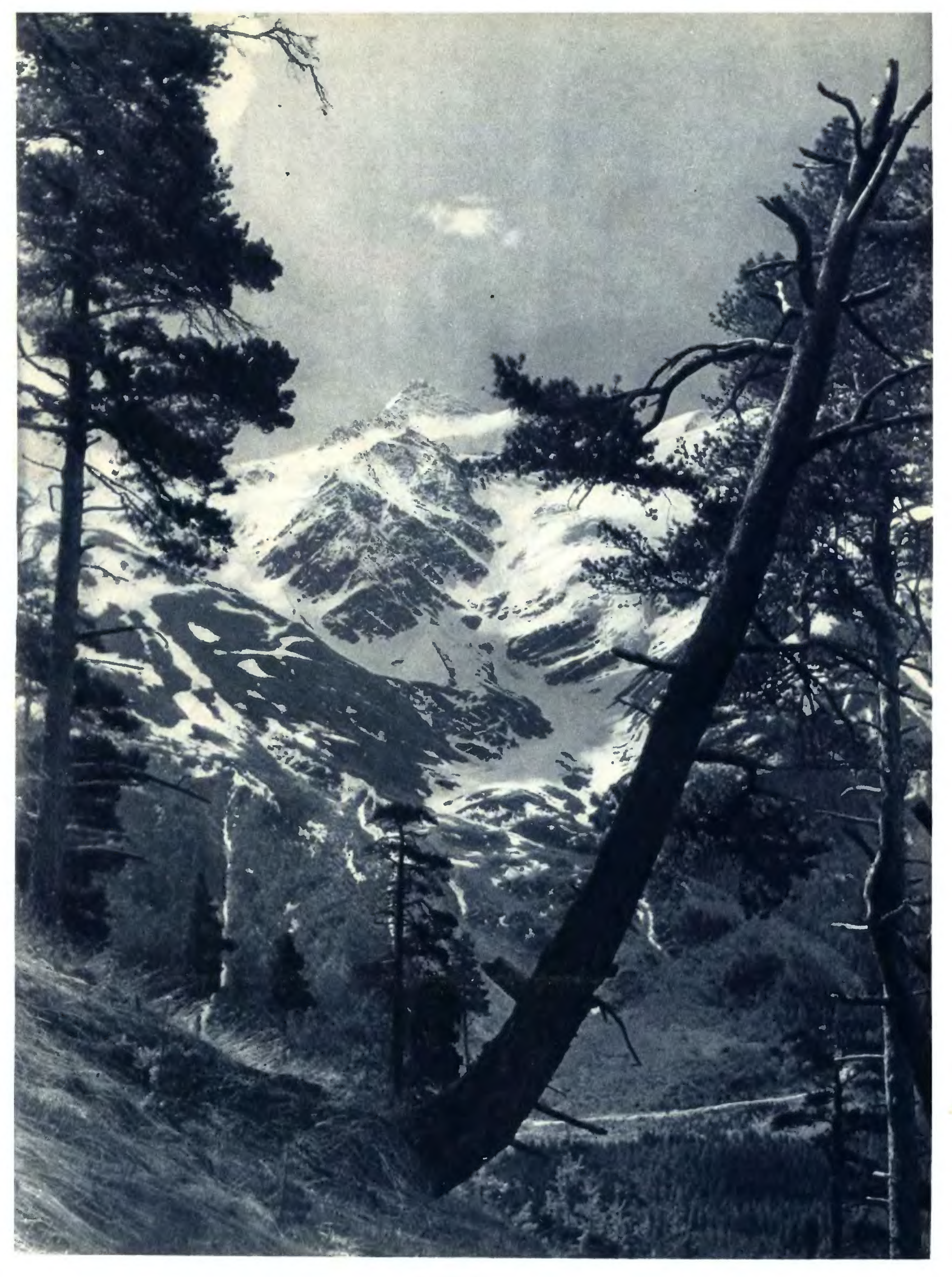
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10038. Подписано к печати 20/XI 1957 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1288. Заказ № 2859.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В горах Кавказа. Фото С. Фридлянда.

ГКТ

ГЛАВКУЛЬТТОРГ

КИЕВ

ФЭД-2

ФЕД-2

НЕСПРОСТА ИДЕТ МОЛВА:
«КИЕВ»,
«ЗОРКИЙ»,
«ФЭД»,
«МОСКВА»—
АППАРАТЫ ЛУЧШИХ МАРОК—
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОК.